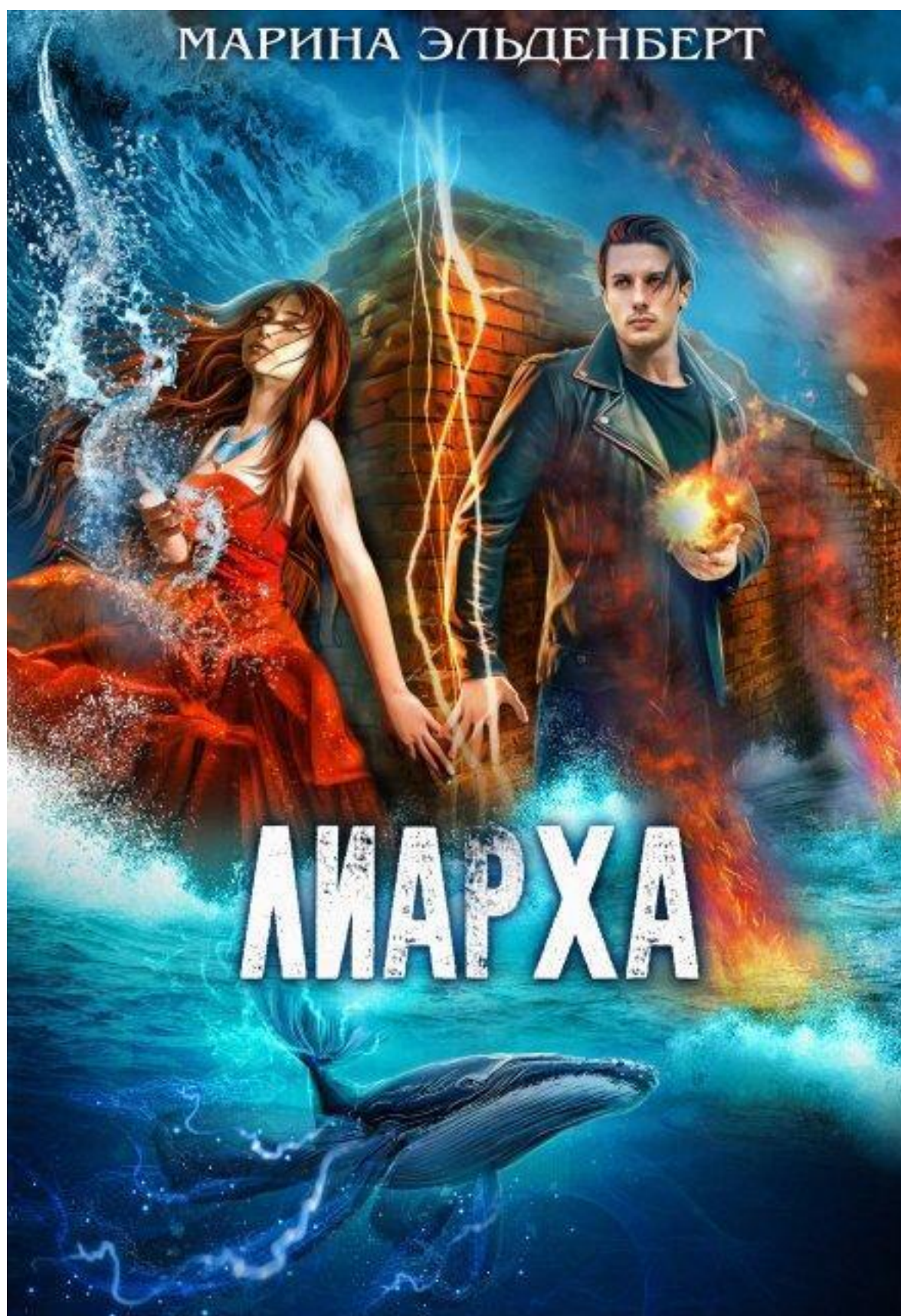

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

ЛИАРХА

Марина Эльденберт
Лиарха

«Литнет»

2022

Эльденберт М.

Лиарха / М. Эльденберт — «Литнет», 2022

Лайтнер К'ярд – сын правителя Ландорхорна. Я – та, кто угрожает всем устоям мира вѣрхов одним лишь фактом своего существования. Его сила никогда не примет мою так же, как моя не примет его. Каждое прикосновение – как шаг на пути в пропасть. Мы разрушаем друг друга. Мы друг друга убьем. Это единственное, что мне нужно помнить, когда весь мир окажется во власти огня и штормов. Заключительная книга трилогии.

© Эльденберт М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1. Правда, правда и ничего, кроме правды	5
Глава 2. Больше не К'ярд	10
Глава 3. Смена курса	15
Глава 4. Первая работа	21
Глава 5. Чудесный во всех отношениях день	26
Глава 6. Война с прошлым	31
Глава 7. Причины и следствия	36
Глава 8. Двойное дно	41
Глава 9. Игра по правилам	47
Глава 10. Ночная смена	53
Глава 11. Откровенность или вроде того	59
Глава 12. Не Вирна	65
Глава 13. Дружеская вечеринка	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1. Правда, правда и ничего, кроме правды

Мы с Вартасом смотрим друг на друга. Он — последний, кого бы я хотела сейчас видеть, и в то же время он — единственный, кто есть рядом. Сейчас. Когда за моей спиной стоит эта злосчастная банка.

— Зачем ты пришел?

— А ты?

— Это мой дом.

— Это дом, где жила моя девушка.

— Твоя девушка здесь больше не живет.

«Твоя девушка здесь больше не живет».

Я снова поворачиваюсь к банке. Поворачиваюсь так резко, что на миг перехватывает дыхание. Подхожу ближе, и, хотя меньше всего мне хочется брать эту гадость в руки, я все-таки беру. Сигарета тонкая и изящная. Была. До того, как ее подожгли — сейчас это просто окуроч с обуглившимися краями и золотистой каймой, которую наполовину сожрал огонь. Тот, кто это сделал, явно обладал извращенным чувством юмора. Или не обладал им вовсе.

У Лэйс никогда не было чувства юмора, но, когда родители играли с нами в прятки, они оставляли подсказки.

Это не похоже на подсказку.

Это больше похоже на предостережение. Или на предупреждение — потому что на нетронутой части сигареты надпись «Эвесс». Я помню эту марку, помню, как она выглядит: я столько раз видела ее, зажатую между изящных пальцев.

Дженна.

Мертвая бабочка.

Вода.

Дженна.

Клуб «Бабочка».

Ныряльщики.

В голове что-то щелкает, и все становится на свои места: это действительно предупреждение. Но не от Ромины. От Лэйс. Если я правильно понимаю то, что она хочет сказать — она сбежала не от Подводного ведомства. Она сбежала от Дженны. И от тех, с кем работала.

— Что это за дрянь?! — Голос Вартаса вытряхивает меня в реальность и в окончательное осознание случившегося: Лэйс жива.

Лэйс.

Жива!

Я оставляю банку, глядя ему в глаза.

— Нам нужно поговорить.

— Нам определенно нужно поговорить, Вирна. — Вартас берет меня за руку. — Я был слегка не в себе. Из-за всего, что случилось. Твои сестры сказали, где тебя искать. Сказали, что ты на Пятнадцатом, поэтому я здесь. Я здесь из-за тебя.

— Лэйс жива.

— Я... Что?!

— Лэйс жива, — шепотом повторяю я, указывая на стоящую на столе банку. — Это ее рук дело. Она хочет меня предупредить.

— Подожди. Я решительно ничего не понимаю.

Я обхожу его, резко захлопываю дверь.

— Я думала, что это угроза Ромины. И в тот раз, и сейчас — тоже. Но это не так.

Вартас щурится, я указываю ему на стул.

— Слушай. Это действительно предупреждение, но не от Д'ерри. От Лэйс.

Его взгляд становится жестким, а я продолжаю. Продолжаю, понизив голос, потому что мне все время хочется говорить громче, и та радость, которая сейчас бьется во мне осознанием (Моя сестра жива!) заставляет меня говорить все быстрее и быстрее. К тому моменту, как я заканчиваю, Вартас все-таки опускается на стул. Мне хочется увидеть ответную радость в его глазах, но ее нет. Точнее, возможно, она выражается как-то иначе? Она же должна выражаться? Я только что сказала ему, что Лэйс жива!

— Хидрец, — выдает он, когда я замолкаю.

— Что?

— Хидрец, — повторяет он. — Если все так, как ты сказала, это хидрец. Полный.

— Я сказала, что Лэйс жива!

— Лучше бы она умерла! — Он осекается, увидев мой взгляд, поспешно поднимается. — Вирна, я не это хотел сказать. Прости, я сам не понимаю, что несу. Ты... просто ты представляешь, что это значит — для тебя?

— Да! — Я складываю руки на груди. — Да, я отлично представляю, что это значит. Все это время я не представляла, что с ней случилось. Все это время я считала, что моя сестра мертва, а сейчас я узнаю, что она жива. Больше того, она может со мной связаться!

— И говорит тебе, что тебе нужно остерегаться Дженны. А ты уже по уши в этом увязла. Ты на самом дне, Вирна, ты понимаешь? Если Лэйс сбежала, ей было, от чего бежать. Куда бежать тебе? А Митри и Тай? Что ты теперь будешь делать?

Я обхватываю себя руками и смотрю ему в глаза.

— То, что собиралась.

— То, что собиралась? Ты сейчас о чем?!

Я глубоко вздыхаю. Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями и все объяснить Вартасу. Впрочем, нет. В первую очередь мне нужно объяснить это себе. Он прав — в том, что Лэйс было от чего бежать. Я смотрела запись ее видео, и я видела, как горели ее глаза. Она была с ними, она верила в то, что говорила. Не сомневаюсь, она в это верила, потому что проще заставить океан отступить от берегов Ландорхорна, чем заставить Лэйс сказать то, во что она не верит. Можно было предположить, что ей угрожали, но я знала свою сестру. И та, кого я знала... словом, эта запись была сделана в то время, когда она действительно им верила. Что произошло потом, я не знаю, но наверняка что-то серьезное.

Мне нужно понять, что именно.

Мне нужно во всем разобраться, чтобы...

— Я должна сделать так, чтобы больше никому не пришлось бегать.

Вартас смотрит на меня, и в его глазах однозначный приговор: «Тронулась умом». Я вряд ли смогу ему объяснить, пока не покажу. Поэтому киваю в сторону двери.

— Пойдем.

— Куда?

— К морю.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас здесь никого нет.

— Вирна, ты меня пугаешь.

Яжимаю плечами и иду к двери. Ему не остается ничего другого, кроме как следовать за мной.

— Вирна, что происходит?

— Увидишь.

— Увижу?!

Мы удаляемся все дальше от того, что принято называть жизнью. И нет, я не боюсь, что кто-то нас заметит и донесет, сейчас весь Пятнадцатый на рабочих сменах или спит после

них. А если кто-то вдруг даже случайно нас увидит, предпочтет быстро об этом забыть. На Пятнадцатом ненавидят существующий режим слишком сильно, чтобы рассказать о девчонке с парнем, которые решили уединиться на пустынном берегу.

Я прохожу по берегу чуть дальше, чем в прошлый раз, когда была одна. Приближаюсь к воде.

Ее сила ударяет мне в пальцы, стоит коснуться кромки набегающей пены. Сейчас я не могу это видеть, скорее, ощущаю, как она отражается в моих глазах и вспыхивает в самой глубине моего существа. Море отзывается на мое прикосновение, тянется ко мне, а потом, подчиняясь незнакомой, неизведанной сути во мне, поднимается, как край покрывала. Раньше, чем я успеваю что-то почувствовать, этот край рассыпается, окатив меня пенными брызгами.

— Это что, к едхам, такое? — спрашивает Вартас. — Это...

Он осекается, когда я поворачиваюсь к нему: замирает, глядя в мои глаза. Я же просто отвечаю:

— Это я.

— Ты? — переспрашивает он, как будто не может поверить своим глазам.

Я его очень хорошо понимаю: еще несколько часов назад я сама не могла им поверить. Буквально.

— Та волна на берегу. Это тоже была я. — Я сажусь на холодные камни, глядя на него снизу вверх. — До сегодняшнего дня это прорывалось только от эмоций.

— Как такое вообще возможно?!

Вартас опускается рядом со мной.

— Не знаю. Но я живое тому доказательство.

Какое-то время мы сидели молча. В звенящую тишину вокруг нас врвался только шум моря, глубокий и ровный, гул накатывающих на берег волн, отступающих и слизывающих пенным языком камни.

— Та легенда, о которой ты мне рассказывала...

— Это просто легенда. По крайней мере, я так думала, — теперь я вообще ложусь. Подкладываю под голову камень покрупнее и не такой острый, как остальные.

— Что ты думаешь теперь?

Я смотрю на небо. Яркое, с лезвиями холодных осенних облаков.

— Думаю, что я лиарха. Или что-то вроде. Не знаю, насколько легенды говорят правду, но вода подчиняется мне... и у меня аллергия на вьерхов.

Последнее я выдыхаю со смешком. Мне хочется закрыть глаза ладонью, потому что глаза от яркого солнца слезятся просто невыносимо. Да, они слезятся от ветра и яркого света, ничего кроме. Потому что что-то кроме в сложившейся ситуации было бы просто смешно. Пусть я и признаю свои чувства к К'ярду, будущего у них нет. Я всегда придумывала себе столько сложностей — вроде того, что он сын правителя Ландорхорна, а я калейдоскопница, что я человек, а он вьерх... но я даже не представляла, что могу наткнуться на нечто гораздо более существенное.

В частности, на то, что наша сила несовместима.

Или, попросту, мы вытягиваем ее друг из друга. Теперь, после всего, я уже не была уверена, что его опустошил океан. Скорее всего, это тоже была я.

Потому что именно мне он в ту ночь спасал жизнь.

И именно рядом со мной его сила угасла.

— Я собираюсь рассказать Дженне.

— Что?! — Вартас произносит это так, что на миг перекрывает даже шум моря.

— Она хочет знать, что я полностью на ее стороне. И я дам ей возможность думать, что это так.

— Вирна, это...

— Глупость? Может быть. Но о моей аллергии на вьерхов знают по меньшей мере трое. Не считая тебя. Я не знаю, как скоро эта новость дойдет до правителя Ландорхорна, но, когда она дойдет, бежать мне будет уже некуда.

Честно говоря, я не уверена, что уже не дошла. Доктор, к которому меня отвозил Лайтнер, весьма заинтересовался моим случаем. Не уверена, что он понял, что к чему — судя по его реакции. То ли я действительно исключение из правил, то ли он отлично владел собой. Но если он отлично владел собой, а сразу после моего ухода сообщил бы обо всем Дигтхарду К'ярду, скорее всего, я бы сейчас не лежала на этом берегу. А Митри и Тай не сидели бы в кафе, поэтому вывод напрашивается один: для доктора я такая же загадка, как для Лайтнера, Кьяны... и для себя.

Вьерхи обо мне не знают.

Точнее, они действительно считают лиархов легендами. И это еще одна загадка, по крайней мере, для меня — если мир в их власти с самого Проседания, то почему они не знают о лиархах?

Вопросов так много, что у меня начинает кружиться голова.

Если бы рядом была Лэйс... но ее нет.

Что она узнала о Дженне?

— Я понимаю, — неожиданно говорит Вартас.

Его слова вызывают во мне удивление. Пусть слабое, но все-таки — я готовилась к тому, что он начнет меня отговаривать.

— Я хочу пойти с тобой.

— Нет.

— Нет?

— Тебе точно не стоит в это лезть.

— И это говоришь мне ты?

Я сажусь, оказываясь с ним лицом к лицу.

— Мне не нужно, чтобы ты пострадал из-за меня.

— Тебе не нужно, чтобы я пострадал из-за тебя? Серьезно?! Поэтому ты попросила меня взять машину, чтобы забрать твоих сестер?

— Я просила прощения за эту машину!

— Да к едхам этот эйрлат! Я не хочу оставлять тебя одну наедине с этим. Ты понимаешь? — Он смотрит мне в глаза. — Лэйс я это позволил. И где она сейчас? Прячется. Отправляет тебе эту жуть, а мы даже не знаем, почему. Знаешь, Вирна, иногда стоит кому-то довериться.

Я открываю рот, но вместо слов с губ срывается сдавленный выдох.

«Она была ныряльщицей». Я произнесла это точно так же, на выдохе.

Я доверилась К'ярду, и вот что из этого вышло. То, что сейчас я до сих пор слышу его слова: «Океан. Мой океан».

Так что Лэйс была права, когда послала Вартаса, и мне нужно сделать то же самое. Просто подняться и уйти, но я почему-то сижу. Мне нужно быть сильной, но мне хочется быть слабой. Или я просто слишком много всего ему рассказала, чтобы сейчас развернуться и уйти.

— Вирна! — Он встряхивает меня голосом. — Я знаю, что между нами было слишком много всего. Знаю, что мы здесь только благодаря Лэйс. Я обещал ей позаботиться о тебе и о младших, но я не хочу заботиться о вас только потому, что так просила она. Если я не могу тебя остановить, позволь мне просто быть рядом. Позволь мне тебя защищать. Позволь мне о тебе позаботиться. Сейчас, когда ты действительно в этом нуждаешься.

Я снова пытаюсь сделать вдох, но мне его не хватает. Воздуха.

— Ты же понимаешь, что я все равно от тебя не отстану? — спрашивает он.

Вместо ответа я утыкаюсь лицом в его куртку. Он пахнет совсем не так как К'ярд. Морем. Раскинувшейся вокруг нас безграничной соленой гладью, а может быть, ей просто пахнет все

вокруг. Этого запаха мне хватает, чтобы пережить несколько бесконечно долгих мгновений и короткие объятия, которые тоже разрываю я.

— Хорошо, — говорю я, — я вас представлю. Но уже после погружения.

— Вирна...

— После погружения. — Я поднимаюсь. — Сегодня это будет перебор. Я не хочу делать все в спешке, мне нужно подумать.

— Ты уверена? Насчет погружения?

— Уверена ли я? Моя стихия — вода. Только оказавшись на глубине, я научусь ею управлять.

— Как ты вообще будешь учиться?! Вьерхи годами не вылезают с полигонов...

— Вот для этого мне и нужна Дженна, — я поправляю волосы, — и полигон. Мне нужен океан, Вартас.

— Держи. — Он достает из кармана солнцезащитные очки. — Сейчас у тебя нормальные глаза, но мало ли. Когда Тай бормотала это в машине, я не придал ее словам значения. Не хочется, чтобы ты вспыхнула посреди платформы.

А мне-то как не хочется.

— Я верну. При следующей встрече.

— Не сомневаюсь.

Мы возвращаемся домой, и я иду к себе. В моей комнате мало что осталось, хотя кое-что все-таки осталось. В жестяной коробке из-под леденцов лежит крошка от сушеной водоросли. Когда-то сушеная водоросль была веточкой, но потом я ее неудачно взяла. Это то, что мы с Лэйс нашли на берегу в детстве и сохранили: моя часть была у меня, ее у нее. Собственно, и не взяла ее я потому, что от водоросли осталась одна пыль. Тем не менее сейчас я ставлю жестянку к банке. Если Лэйс вернется (а мне кажется, она вернется), она поймет, что я прочитала ее предупреждение.

Не знаю, чем это поможет, но возможно, она оставит новое.

Какую-то другую подсказку.

И тогда мы сможем увидеться немного быстрее.

Глава 2. Больше не К'ярд

— Пимрой, на выход! — Окрик дежурного риджанта выкидывает меня из сна в реальность.

Кому-то из моих однокурсников в Кэйпдоре или так называемых приятелей, да любому из моего прошлого окружения покажется диким, что я сплю в участке политари. Но я не просто провел в клетке для арестованных всю ночь, я отлично выспался. А учитывая, что вчера я сбежал от Шадара, угнал эйрлат Ромины, едва не уплыл вместе с Эн из Ландорхорна и выдержал битву с отцом, то неудивительно, что я вырубился, как едх на морском дне, как только голова коснулась подушки.

— Ньестр К'ярд. — Риджант останавливается возле моей камеры. Она у меня одиночная и с удобной койкой, на которой я поместился во весь рост — практически первый класс. Тон политари сменяется на извиняющийся. — Вы можете быть свободны. За вас внесли залог.

От таких новостей остатки сна окончательно смывает волной, и я поднимаюсь, иду за риджантом.

Сомневаюсь, что отец передумал. Залог могла внести мама, но в ее состоянии ей вряд ли позволили бы встать с постели, поэтому единственный, кто приходит на ум...

— Хар!

Хар и Кьяна ждут в приемной, сидят на широком диване, переплетя пальцы, но при виде меня подсакивают с дивана. Лица у них настолько серьезные и обеспокоенные, что я усмехаюсь:

— Ну хоть кому-то небезразлична моя судьба.

— Твой долг растет и растет, брат.

— Могли бы подождать, пока меня покормят.

— Обойдешься.

Мыжимаем руки, друг хлопает меня по плечу.

— Как ты узнал, где я? — спрашиваю я.

— Получил сообщение от Джуборо, но, если честно, в нем не было необходимости.

— О тебе рассказывают по всем каналам, Лайтнер, — объясняет Кьяна. — О тебе и о Д'ерри. Ее арестовали, а судью, скорее всего, сместят с должности. По крайней мере, об этом говорят все журналисты.

Я прикрываю глаза на мгновение и понимаю, что напряжение внутри окончательно отпускает. Ради этого стоило пережить вчерашний день.

— Все строят догадки... Но, Лайтнер, что произошло на самом деле? — Кьяна внимательно смотрит на меня, и Хар присоединяется к ней в этом.

— Я все вам расскажу, — обещаю. — Не здесь.

— Ньестр К'ярд, — окликает меня риджант, — вам нужно прослушать инструкции, забрать свои вещи и расписаться в получении.

Инструкции оказываются простыми: меня отпускают под залог до дня суда, мне запрещено приближаться к Ромине. За любое даже самое мелкое нарушение я снова вернусь в камеру.

Мне выдают документы, куртку и печатку с символом рода К'ярдов — подарок отца на четырнадцатилетие. Куртку и документы забираю, а в сторону кольца киваю:

— Оставьте себе. На память.

В эйрлате друзья ничего не спрашивают, но стоит нам оказаться в квартире Хара, забрасывают меня вопросами. Я их понимаю, на их месте меня бы тоже подмывало узнать все из первых уст.

Поэтому мы заказываем еду, устраиваемся на диване, и я рассказываю.

Про то, что хотел сбежать от Шадара, и именно поэтому угнал эйрлат Ромины. Про то, что случайно нашел ее зуб, про разговор с отцом, про то, что он оставил меня в участке, и сказал, что больше не станет ни в чем помогать.

— Так что не удивлюсь, узнав, что все мои счета аннулированы, а меня отчислили из Кэйпдора.

— Он этого не сделает, — уверенно заявляет Кьяна. — По крайней мере, в отношении учебы. Ты сейчас герой, который восстановил справедливость. Если правитель Ландорхорна тебя не поддержит, то это будет означать, что он принимает сторону семьи Д'ерри.

— Возможно, ты права, но я больше не возьму его денег и не вижу необходимости в моем возвращении в Кэйпдор. Там все равно уже не будет так, как прежде.

Там не будет Мэйс.

Мысль о ней вызывает тупую боль в груди. Я ощущаю себя раненым, как Эн. Но рано или поздно эта рана затянется, а пока я не хочу о ней думать.

— Тогда что ты будешь делать? — интересуется Хар.

— Найду работу и жилье. Буду наслаждаться жизнью.

А заодно искать все про едхову установку на дне океана.

— Во всей этой ситуации есть свои плюсы, — говорит Кьяна. — Отец больше не диктует тебе условия, поэтому ты можешь встретиться с Вирной.

После ее слов в комнате воцаряется тишина.

Вот и не думай после такого о Мэйс.

— Нет, — отвечаю как можно спокойнее, хотя внутри будто снова вспыхивает вулкан. Пока что маленький, но готовый исторгать потоки лавы.

— Но почему?

— Мэйс отказалась от меня. Это не обсуждается.

— Вирна отказалась от тебя под давлением твоего отца.

— Пусть так.

— Вы должны поговорить!

Мы уже поговорили. Там, возле домика Зорга. Когда она забирала своих девчонок вместе с белобрысым. Мы с ней все друг другу сказали.

— Он ее запугал!

— Мэйс не из пугливых, Кьяна. Она не испугалась Ромины, наверняка, не испугалась и Дигтхарда К'ярда. Она просто определилась со стороной. Я ей не интересен.

— Это не так! Я видела ее взгляд, каким счастьем сияют ее глаза, когда ты рядом. Ты ей не просто интересен, ты для нее тот самый, особенный.

Кьяна, видимо, решила меня окончательно добить, потому что ее слова бьют по самому больному. Мне хочется зло рассмеяться или заставить ее прекратить, но мой ответ застревает в горле, будто кость.

— Ты прав в одном, — продолжает она: — Вирна очень смелая и гордая, чтобы просить о помощи. С ней что-то происходит, Лайтнер! Что-то нехорошее.

— Это. Не. Мои. Проблемы, — чеканю каждое слово. — Мы больше не станем поднимать тему Мэйс.

— Ты невыносимый! — М'эль вскакивает с дивана, ее глаза вспыхивают, зрачки вытягиваются. — Почему все парни такие черствые и невыносимые?! Знаешь, тебе удалось меня убедить. Ты не должен с ней встречаться и снова делать ей больно. Вирна этого не заслужила!

Она уходит, хлопнув дверью, а Хар бросает на меня сердитый взгляд и уходит за ней. Надолго, потому я что успеваю дойти до окна и рассмотреть все красоты Четвертого. Отсюда виден краешек парка, высотки с неоновыми вывесками, которые в пасмурную погоду горят весь день. Я понимаю, что хочу себе такую же квартиру. Жить одному, быть свободным.

Возвращается друг без Кьяны.

— Не остыла? — спрашиваю я.

— Остыла, но не хочет тебя видеть, пока ты ведешь себя как едх.

— Взаимно. Когда перестанет вести себя как маруна, тогда и сможем нормально поговорить. Как ты ее терпишь?

Черты лица Хара заостряются:

— Полегче, брат. Ты говоришь о моей девушке.

— Мне надоело, что все говорят, что мне делать и куда идти.

— Вирна ее подруга. Была. Мне жаль.

Мы молчим, и кажется, одновременно закрываем эту тему. Потому что Хар говорит:

— Кое-что не сходится, Лайт.

— Что именно?

— Ты сказал, что собирался сбежать от Шадара. — Взгляд Хара пронизывает как зимний ландорхорнский ветер. — Куда? К Зоргу?

— Нет. Я собирался покинуть Ландорхорн.

— Покинуть?

— Уплыть отсюда.

— Но это безумие. До ближайшей цивилизации тысячи энтваллов... — Он осекается. — Есть что-то еще?

Я смотрю на Хара и не понимаю, почему не доверил ему тайну Эн раньше.

— Да. Я собирался сделать это не один.

Друг слушает мой рассказ про знакомство с раг'эной и ни разу не перебивает. Он долго молчит, даже когда заканчиваю, и я не выдерживаю первым:

— Что скажешь?

— Что тут сказать? Звучит безумно, но это многое объясняет. Например, то, как вы с Мэйс добрались до берега в тот шторм. А еще твой побег. С помощью океанской бабочки ты действительно мог бы сбежать из Ландорхорна, почему передумал?

— И оставить вас одних? — усмехаюсь я, и добавляю уже серьезно: — В Ландорхорне вся моя жизнь. Мне не нужно бежать или скрываться, чтобы сделать ее такой, какой хочется.

— Мэйс ведь в курсе, да? Ты рассказал ей про бабочку?

— Да.

Хар смотрит мне в глаза, словно сканирует.

— Значит, твои чувства к Вирне даже серьезнее, чем считает Кьяна.

Они издеваются надо мной?!

— И ты туда же? — интересуюсь раздраженно. — Сколько еще мне повторять, что все в прошлом?

— Мне или себе? Брат, мы с тобой с детства знакомы, а ты рассказал про раг'эну первой попавшейся девчонке? Сильно в этом сомневаюсь.

— Вы с Кьяной можете думать все, что хотите. Последний раз, когда я видел Мэйс, она была счастлива. Счастлива с другим парнем.

— Видел?

— Мы разговаривали.

— Спокойно, как взрослые люди, или как вы делаете это обычно?

— Ты мой друг, но сейчас я готов тебе врезать.

Действительно готов, даже кулаки сжимаются, а в ладонях концентрируются искорки силы.

Хар только усмехается.

— Об этом и речь, Лайтнер. Я не собираюсь лезть в твою жизнь, но как твой лучший друг советую тебе закрыть тему Мэйс. Хотя бы внутри себя. Ну или сделать так, как тебе хочется. В смысле, строить свою жизнь такой, какой ты ее видишь.

Раздражение гаснет так же быстро, как и вспыхивает.

— Вверх действия?

— Не люблю тормозить.

— С М'эль ты точно не тормозил.

— Решил, что если плохой парень ее разочаровал, то хороший подойдет ей больше, и рискнул.

— Долго подступался? — я легко пихаю друга в плечо и подмигиваю, но Хар не ведется.

— Я не стану обсуждать с тобой свою девушку.

— Справедливо, — соглашаюсь я и добавляю: — Я подумаю над твоими словами насчет Мэйс.

Мы съедаем завтрак, принесенный курьером, оставляем только часть для Кьяны (она наотрез отказывается выходить). И я понимаю, что не могу задерживаться у друга надолго. В прошлом мог бы, но сейчас мне нужно свое жилье, а еще новый тапет — мой остался у Родреса. И совершенно точно Хар не должен из-за меня ссориться со своей девушкой. Поэтому после завтрака я говорю:

— Мне нужно съездить домой и поговорить с матерью. Я должен узнать, все ли с ней в порядке.

— Возьми мой эйрлат.

— Спасибо.

Я хлопаю друга по плечу и направляюсь к выходу.

— Лайт?

— Что?

— Я могу рассказать Кьяне про раг'аэну?

— Можешь, — киваю я с улыбкой. — Пообещай ей знакомство с Эн, если перестанет пытаться учить меня жизни.

После разговора с Харом мое настроение улучшается, и жизнь уже не кажется грязной лужей со сточными водами.

Я добираюсь до Первого круга привычным путем. Он разительно отличается даже от того же Четвертого. Здесь каждый особняк размером с квартал и окружен большим парком, а отцовский больше всех. Здесь богатство и роскошь, нет только свободы.

Я останавливаюсь возле ворот в дом, но ворота даже спустя минуту остаются закрытыми, а значок доступа мигает предупреждающим красным.

Какого едха?

Хотя я догадываюсь, какого. Его зовут Дигтхард К'ярд.

Поэтому выхожу из эйрлата и направляюсь к зрачку камеры системы.

— Впусти меня, — приказываю, позволяя ей сканировать мое лицо.

— В доступе отказано, — отвечает мне равнодушный голос системы.

— Я здесь живу.

Точнее, уже не живу, но здесь живет моя мать.

— В доступе отказано.

Хидрец!

Я разжимаю кулаки, и волна моей силы ударяет в ворота. Мощная, но металлические створки настолько основательные, что даже не дрогнули. А вот система срабатывает сразу:

— Отойдите от ворот. Любая последующая атака будет расценена как намеренная, и я буду вынужден принять меры.

— Что? — рычу я. — Что ты сделаешь?!

Система не отвечает, зато в динамиках раздается голос брата:

— Привет, Лайт.

Я бросаюсь к камере, смотрю в самый зрачок.

— Джубо,пусти меня.

— Отец запретил тебя впускать.

Кто бы сомневался!

— Я приехал не к нему, к маме. Я хочу ее увидеть.

— Ей запрещено видиться с тобой. Как и мне.

Что?!

— И вы его послушаете?

— А кого мы должны слушать? Тебя? Отец сказал, что ты отказался от нас. Что ты больше не часть нашей семьи.

— Это значит, что я ему больше не подчиняюсь. Но это не значит, что я не хочу вас видеть.пусти меня! — последнее я уже рычу.

— Я не могу.

— Потому что он запретил?

— Да. Мне жаль, Лайт.

Я не могу в это поверить!

— Какого едха?! Ты написал Хару, чтобы он меня вытащил из тюрьмы!

— Ты мой брат. Был им. Теперь ты больше не К'ярд.

Короткий писк системы возвещает о том, что Джуборо отключился.

Вернувшись к эйрлату, с грохотом впечатываю кулак в металл. Несколько раз, пока боль окончательно не отрезвляет. Прорываться с боем я не могу, потому что под залог отпускают только раз, а будучи свободным, решать проблемы проще, чем сидя в клетке.

Ничего, мам, мы с тобой увидимся.

Обязательно увидимся!

Он не заберет тебя у меня.

Глава 3. Смена курса

Сообщение от Дженны застаёт меня на полпути домой. Примерно там же меня застают новости, от которых бросает в холодный пот: «Ромина Д’ерри арестована и обвиняется в покушении на убийство». Раньше я бы многое отдала, чтобы это увидеть или услышать, но сейчас мне становится дурно. Поэтому я не вижу ничего и никого, кроме транслятора, по которому бегущей строкой, в самом низу вытягиваются строки с комментариями. Ведущий беззвучно, как рыба, открывает рот, но все, что он говорит, дублируется в этой бегущей строке. А гусеница вокруг меня кипит и бурлит, точнее, кипит и бурлит человеческая волна, набирающая силу:

— Надеюсь, эта тварь получит по заслугам!

— Сомневаюсь, что они это допустят.

— Как такое вообще пропустили в новости?

— Кому-то это было надо.

Кому-то это точно было надо, но у меня даже пальцы не гнутся, когда я набираю Митри.

— Мит? Вы где?!

— Гуляем. Погода сегодня хорошая...

— Домой. Срочно! — рычу я, и только сейчас понимаю, что они без меня не войдут.

Дальше все сливается в какую-то странную вереницу лиц, окружающих меня, и гул голосов. Я вылетаю из гусеницы, бегу в сторону дома, и только увидев сестер, прихожу в себя. Мне стоит немалых усилий не затолкать их за дверь и спокойно пройти сканирование. Только оказавшись внутри, у лифтов, я выдыхаю спокойнее. Митри смотрит на меня в упор, Тай зевает — видимо, нагулялась и хочет спать.

Оказавшись в квартире, я первым делом спрашиваю, не хочет ли она поесть — но нет, она не хочет. Они действительно нагулялись и перекусили в кафе. Мои сестры перекусили в кафе! Море, раньше я себе и представить такого не могла, а сейчас не могу дождаться, пока Тай заснет. Только когда сестренка начинает тихо сопеть, вываливаюсь из ее комнаты на кухню. По большому счету, это и кухней нельзя назвать, скорее, обеденной зоной. Здесь на высокой мраморной столешнице стоит машина, которая делает льяри, в шкафах полно посуды, а за столом удобно собираться всей семьей. Здесь есть холодильник, который можно забить продуктами, и у меня теперь есть деньги, чтобы это сделать.

Я падаю на стул и утыкаюсь лбом в сцепленные ладони.

Как это произошло? Почему?

— Эй! Мне кажется, или ты должна выглядеть повеселее? — Митри ногой отодвигает стул, а после садится рядом.

Я поднимаю голову.

— Весь Ландорхорн просто гудит! Эта дрянь получит то, что заслужила! — В глазах Митри горит ярость, и сейчас мне кажется, что она невыносимо похожа на Лэйс. — Вирна! Да что с тобой! Ты радоваться должна!

Странно, но радости во мне нет. Я прислушиваюсь к себе и понимаю, что это действительно так. Во мне нет радости по поводу того, что Ромину будут судить, зато возникает множество вопросов — плюсом ко всем, что уже появились сегодня.

— Вам придется посидеть дома.

— ЧТО?!

— Ты не слышала, что я говорила раньше? Ромина не оставит это так.

— Ты поэтому такая кислая? — интересуется Митри, а потом улыбается. — Боишься, что она причинит нам вред?

— Это не смешно! — рявкаю я. А после поднимаюсь и отхожу, чтобы налить себе воды. Вода. Жмурюсь, опираюсь о столешницу, и очки Вартаса, которые я прицепила к вырезу джемпера, падают на стол.

— Может, хватит на меня рычать? — Митри складывает руки на груди, когда я поворачиваюсь. — Ты совсем невыносимая стала после того, что случилось у океана.

Поскольку я молчу, сестра продолжает:

— По-моему, тебе стоит разобраться со своими парнями.

— Что ты сказала?!

— Со своими парнями, — она пожимает плечами. — Один из них сегодня звонил мне, чтобы узнать, где ты, а второй чуть не открутил ему голову на берегу. Ладно. Так что не так с Роминой?

Она переводит тему раньше, чем я успеваю на ней сосредоточиться. Если бы я знала, что не так с Роминой.

— Мне это не нравится, — говорю я.

— Не нравится, что она наконец-то огребет за то, что пыталась тебя убить?

— Не нравится, что это происходит так. Вьехи не ставят друг друга под удар. Даже если предположить, что всплыли какие-то новые доказательства...

— А они всплыли, — сообщает Митри. — Подробности я не знаю, но тот, кто едва не открутил голову Вартасу, нашел какое-то доказательство. Именно по поводу этого весь Ландорхорн стоит на ухах.

Во мне кончаются не только слова, но даже мысли.

— Все говорят только о том, что вьехи за правосудие... точнее, половина говорит о том, что вьехи за правосудие, а другая — что ей все равно ничего не будет.

— Подожди, — говорю я. — Ты сказала, доказательство нашел Лайтнер?

— А до этого я сказала — разберись со своими парнями, — ехидно напоминает сестра. — Видела бы ты сейчас свое лицо!

Я сегодня достаточно насмотрелась на свое лицо. В особенности — на глаза, чтобы понять, что с Лайтнером нам лучше никогда больше не видеться. То, что он в очередной раз мне помог, дела не меняет. Возможно, стоило бы с ним поговорить и сказать все как есть, но после этого будет только хуже. По крайней мере, для меня. Мне проще знать, что мы с ним так и останемся... я не могу подобрать этому слова. Врагами? Нет, это совершенно точно не то. Мы не враги, не бывшие, не друзья. Мы друг другу никто, наверное, это то самое определение, которое я искала. Пусть так оно и остается, потому что никто — гораздо проще, чем когда даешь себе и чувствам хоть какую-то маленькую лазейку. Возможность, которая будет тянуть, как океанская волна, с силой, которой противиться бесполезно.

— Ляри хочешь? — спрашиваю я.

— Не хочу, — отвечает Митри. — И в школу я тоже пойду. Не собираюсь сидеть дома только потому, что ты решила, что Ромина может мне что-то сделать. Пусть только сунется — я выдеру ей все волосы. И не надо меня пугать тем, что сама она не сунется!

Сестра поднимается раньше, чем я успеваю ответить, и убегает к себе. Хлопает дверь.

Нет, с меня определенно хватит. Поговорю сегодня с Дженной — либо перед погружением, либо после. Надо решать вопросы постепенно, иначе так и свихнуться недолго.

Дженна!

Я вспоминаю о сообщении, которое упало мне на тапет в гусенице, примерно перед тем, как среди шепота и неровного гула голосов я услышала первые слова о Ромине и увидела ту трансляцию. Открываю мессенджер и читаю: «Сегодня с выходным не получится. Жду тебя как обычно на смену».

С обычной сменой все очень сложно. Хотя бы потому, что я еду поздним вечером в солнцезащитных очках. Если бы я была уверена, что сила воды... или сила лиархов, я пока не знаю, как это называть, реагирует только на близость моря и океана, я была бы спокойна. Но помимо моря и океана, еще была раковина в Кэйпдоре и мои глаза перед домом, который вполне себе на суше и весьма удален от воды. Поэтому — солнцезащитные очки, поэтому я еду в «Бабочку» за несколько часов до смены и до того, как нам будут делать макияж.

Остается надеяться, что Дженна на месте, и что с ней я смогу переговорить заранее.

Дженна на месте, я это выясняю, когда приближаюсь к ее кабинету. Она редко повышает голос, но сейчас он резкими нотами вспарывает пространство:

— Нет, едх его утопи, это совершенно нам не на пользу!

Можно остаться и дослушать, но это бессмысленно. Во-первых, здесь повсюду камеры, а во-вторых, Дженна мгновенно берет себя в руки. По крайней мере, дальнейший разговор я разобрать не могу.

Секретаря она предсказуемо отпустила, поэтому сейчас я толкаю дверь и вхожу. Сначала — в приемную, только потом — к ней в кабинет. Уже готовлюсь увидеть непробиваемую физиономию Н'эргеса, но вместо этого вижу вполне себе пробиваемую.

Вьерха, который присутствовал на юбилее. Который вместе с Дженной проводил аукцион. От неожиданности замираю, а он поворачивается к ней, хотя рука с сигаретой указывает на меня:

— Это вообще нормально? Это? К тебе все входят без стука? Или в моем клубе просто проходной двор?!

Он почти рычит, и судя по тому, что я вижу, разговор у них складывается не самым лучшим образом.

— Льен, ты знаешь, кто она такая. — В голосе Дженны слышится если не ответное рычание, то очень близко к тому.

— И это повод вламываться к тебе в кабинет?

— Вирна, что ты здесь делаешь? — Дженна затягивается, делая вид, что последних слов просто не слышала.

— Ты сказала про обычную смену, и я...

— Про обычную смену. Когда я сказала про обычную смену, я имела в виду обычную смену. Но раз уж ты здесь, проходи.

— Ты серьезно? — усмехается вьерх. — Ты будешь говорить при этой девчонке?

— Почему бы и нет. — Алые губы растягиваются в улыбке. Я все время удивляюсь, как ей удается поддерживать макияж в идеальном состоянии. Особенно губы, хотя она постоянно курит. — У нас с Вирной нет секретов друг от друга. Правда, Вирна?

Мне стоит немалых усилий не потянуться к сумке, где лежат солнцезащитные очки. Вместо этого я отвечаю:

— Правда, — и прохожу к столу.

Устраиваюсь на стуле, всей кожей чувствуя взгляд вьерха, липкий и ледяной. От него хочется помыться, и я начинаю жалеть, что с нами нет Н'эргеса. Никогда бы не подумала, что такое скажу, но мне не хватает его отморозенности, чтобы с кожи кристалликами льда осыпалось это мерзкое чувство.

— Вернись, когда вы закончите, — сообщает вьерх, а я пытаюсь вспомнить его имя.

Мильен Т'ерд, кажется. Несмотря на то, что меня трясло на той сцене, имя я запомнила. Получается, он тоже в курсе того, что делает Дженна? Как много вьерхов — с ныряльщиками? И почему?

— Вот так, — Дженна пожимает плечами и снова затягивается, — не самый простой день. Уверена, ты уже в курсе того, что развернули с Роминой Д'ерри?

Она говорит настолько спокойно, настолько нейтрально, что если бы я не слышала, как она кричит пару минут назад, ни за что бы не поверила, что эта женщина вообще способна повысить голос. По ощущениям, они идеально гармоничны с Н'эргесом, Мильен Т'ерд выбирается из этого уравнения. Или нет? Слова Алетты всплывают очень некстати — о том, как вьерхи выбирают себе любовниц. Дженна и светловолосый — может ли между ними быть что-то большее?

Вопросы множатся, как налипающие на шипастую мину водоросли. Раньше их выбрасывали в море и в океан, чтобы избежать выходов на воду. Говорят, оставшиеся так и дрейфуют где-то в водах, изредка фиксируют вспышки-взрывы. Когда подводные жители забывают об осторожности.

— Да. Поэтому я здесь.

— Поэтому я попросила тебя просто прийти на смену. К тебе сейчас будет приковано самое пристальное внимание.

— Ко мне?

— Разумеется. Ты же не думаешь, что все это будет сделано тихо? Если бы Ромину Д'ерри хотели осудить тихо, мы бы не стали свидетелями того, что творится сейчас. — Дженна откидывается на спинку стула, обводит рукой кабинет. — Зрителями того спектакля, который они устроили. Им нужно показать, как они заботятся о людях, и они нашли способ это сделать. Когда до тебя доберутся журналисты, а они доберутся, от тебя захотят услышать то, что выгодно вьерхам. Все, что нам нужно — это дать им понять, что ты готова играть по их правилам. В тот момент, когда они в это поверят, мы нанесем удар. Или попросту расскажем, как все было на самом деле. Это будет легко. Тебе же есть, что рассказать, Вирна?

Она пристально смотрит на меня, дым окутывает тонкие пальцы, а сигарета кажется бесконечной. В эту минуту я вспоминаю про сигарету в банке и бабочку. Ее крылья, кажется, пропитались дымом настолько, что от одного прикосновения она могла рассыпаться пеплом.

— Да, — отвечаю я. — Да, мне есть, что рассказать.

— Вот и чудесно. Мильен устроит нам прямую трансляцию. У него отличные связи в СМИ.

Кресло разворачивается, Дженна закидывает ногу на ногу.

— Мы построим твоё интервью таким образом, чтобы всем стало понятно, что правосудие вьерхов представляет из себя на самом деле. Я не хотела говорить заранее, но даже лучше, что ты узнала об этом сейчас. По крайней мере, ты будешь готова, когда тебе начнут задавать вопросы. Тебе ещё не приходил вызов от политари?

— Нет.

— Значит, скоро придет. — Она задумчиво закусывает губу. — Сейчас самое главное — это вести себя естественно, Вирна.

Вести себя естественно — это, похоже, единственное, что мне остается. Проблема только в том, что с каждым днем во мне всё меньше и меньше естественности. Всё меньше меня.

— Что насчет погружений? — спрашиваю я.

— Сейчас это уже не так важно.

— Ещё сегодня утром это было чрезвычайно важно.

Дженна смотрит на меня в упор.

— Тебе так не терпится снова оказаться под водой?

Первая бабочка в банке была утонувшей. Точнее сказать, её утопили. Именно поэтому я подумала о Ромине, именно поэтому я не поверила, когда Д'ерри скривилась, увидев банку в моих руках.

Вот только Лэйс имела в виду вовсе не Д'ерри.

— Мне не терпится рассказать всем о том, что вьерхи из себя представляют.

— Уже совсем скоро ты сможешь это сделать. — Дженна снова мне улыбается. — В конце этой недели, или, возможно, в начале следующей. Нам нужно выбрать удобный момент, когда ты дашь интервью...

— С интервью все чудесно, — перебиваю я. — Но ты не подумала кое о чем важном.

— О чем же?

— О моих сестрах. Когда я соглашалась быть ныряльщицей, я знала, что сведения об установках изменят мир. Мое интервью мир не изменит.

— Вирна, работать с тобой — одно удовольствие. — Дженна расслабленно откидывается на спинку кресла и бросает окурок в пепельницу. — Когда мы зададим правильные вопросы — почему именно сейчас? Почему правосудие заработало не тогда, когда все случилось с тобой? Или почему избавителем и героем стал именно сын Дигхарда К'ярда? — твое интервью не просто изменит существующий мир. Оно станет взрывом, который его уничтожит.

Не то чтобы я не догадывалась, что сведения об установках произведут взрыв... я не догадывалась, что мне придется говорить о Лайтнере. Я даже согласилась на все это при условии того, что мне не придется приближаться ни к нему, ни к его отцу. Поэтому сейчас мне стоит немалых усилий остаться спокойной.

— Мы так не договаривались, — отвечаю я.

— Ты сейчас о чем? — Дженна приподнимает брови.

— О Лайтнере К'ярде. Я не стану о нем говорить. Ни здесь, ни на прямой трансляции. Если мне зададут вопрос с его именем, я просто на него не отвечу.

Она снова улыбается. На этот раз холодно.

— Я понимаю, Вирна. Тебя с ним связывают непростые отношения...

— Ошибаешься. Нас с ним ничего не связывает, и это так и останется. Ты хотела правды и откровенности — я откровенно тебе говорю. Я ни слова не скажу про Лайтнера К'ярда. Его имя упоминаться не будет. По крайней мере, мной.

— Хорошо. Я тебя поняла. — Она поднимается — пожалуй, чересчур резко, я остаюсь сидеть. Попытка посмотреть на меня сверху вниз ей тоже не удастся.

— Мне нужно кое-что еще.

— Что же?

— Гарантия безопасности моих сестер. От тебя лично.

— Н'эргес этим займется...

— Пусть займется этим прямо сейчас. Потому что когда моя смена закончится, я хочу знать, кто будет их охранять. Как этим будут заниматься. Что будет сделано до, после и во время прямой трансляции. И еще. Мои сестры собираются вернуться в школу. С этим тоже нужно что-то решить.

Вот теперь я поднимаюсь, оттолкнувшись пальцами от края стола. Похвастаться ростом я никогда не могла, но сейчас мы смотрим друг на друга на равных. В глазах Дженны мелькает раздражение, которое тут же скрывается под привычной маской.

— Хорошо. Ты все это получишь, — произносит она, — когда смена будет закончена. Меня уже не будет в клубе, поговоришь с Н'эргесом. Он лично тебе все расскажет.

— Чудесно, — направляюсь к двери. В спину мне прилетает жесткий удар голоса:

— Вирна.

Останавливаюсь. Оборачиваюсь.

— Да?

— О чем ты хотела поговорить?

В глазах Дженны — бездна глубиной с Ктарианскую впадину. Она смотрит на меня жестко и так холодно, что по коже снова ползет царапающая ее изморозь. Сейчас мне кажется невыносимой глупостью то, что я собиралась ей рассказать. Особенно то, о чем я собиралась ей рассказать.

— О том же, о чем и ты. Я не настолько наивна, чтобы полагать, что ситуацию с Д'ерри раздули ради правосудия. Хотела узнать, что будет с погружениями. Как теперь все это будет. И что мне делать. Я пришла к тебе за советом, но ты меня опередила. Сообщив о новых условиях нашего соглашения.

Взгляд ее немного смягчается. Немного — это именно то слово.

— Назовем это временной сменой курса, Вирна. К погружениям мы еще вернемся. Чуть позже.

Я растягиваю губы в улыбке, а после разворачиваюсь и выхожу. Внутри меня слегка потряхивает: от поединка с Дженной, но и от предстоящего. Погружение — совсем не то же, что прямая трансляция. Прямая трансляция осуществляется на весь Раверхарн, и если сейчас обо мне знает горстка политари, судья, его дочь и те, кто еще помнит учившуюся в Кэйпдоре калейдоскопницу, то после этого... Мне кажется, что мой мир летит в океан, как когда-то падала я. Только глубину, на которую он рухнет сейчас, не возьмет ни одна раг'эна. Как бы там ни было, отступать уже некуда, и оглядываться тоже бессмысленно.

У меня только один путь — вперед.

В примерной я, естественно, появляюсь первой, потом начинают подтягиваться девочки. Одной из последних влетает Тимри, наши помощницы по макияжу оживляются.

— Давайте быстрее, у нас сегодня еще планы на вечер, — говорит одна, подмигивая.

— Скорее уж на ночь, — хохочет Тимри. — У нас тоже — мы всю ночь разносим еду богатым засранцам.

ЗАСРАНЕЦ.

С этого слова началось мое знакомство с Лайтнером.

Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь, и мне становится на удивление тепло. Думаю, что это тепло я сохраняю на всю жизнь. Это то, что не позволит мне скатиться в страхи, сомнения или отчаяние, когда все начнется. Потому что — что бы ни говорил его отец, или что бы там себе ни думала Дженна, Лайтнер другой. Он настоящий. И то, что произошло с Роминой — не заказное. По крайней мере, с его стороны.

Дурацкие мысли.

Дурацкие мысли, от которых так сложно избавиться.

— Мэйс! Ты вообще собираешься делать макияж?

— Судя по выражению лица, ее с нами нет. — Тимри пихает меня в бок. — Эй!

— Я здесь.

— Надо же!

— К зеркалу давай, — командует девчонка, которая отвечает за макияж. — Говорю же, у нас с Нинни планы на вечер.

— На ночь!

Все смеются, и я к ним присоединяюсь. У меня есть целая смена, чтобы почувствовать себя частью совсем другой жизни. Жизни, в которой я — это просто я.

Глава 4. Первая работа

Лайтнер К'ярд

Кьяна не ошиблась.

Из Кэйпдора меня не выгнали, но за следующий семестр мне придется платить самому. Пока платить было нечем, потому что все мои карты оказались заблокированными, счета — закрытыми, а доступ к наследству деда я получу только когда мне исполнится двадцать. То есть почти через год. Сейчас же у меня не осталось денег даже на еду, не говоря уже о том, чтобы расплатиться с Харом или заплатить штраф за угон эйрлата Ромины.

Но никто не говорил, что будет легко.

К счастью, из-за шумихи с Д'ерри суд откладывался на месяц-полтора, и у меня появилась возможность со всем справиться. Нужно было только найти работу, лучше две, и съехать от Хара. Поэтому я в тот же день одолжил у друга старый тапет и зарылся в вакансии. У меня не было рекомендаций и опыта работы, но были знания второкурсника Кэйпдора, способности вьерха и фамилия. Правда, сейчас она приносила гораздо больше проблем, чем преимуществ.

Некоторые серьезные работодатели разворачивали меня, стоило представиться. Максимально вежливо, но дела это не меняло.

Дом Хара облепили журналисты, которые предлагали мне дать интервью и разве что не золотые горы обещали взамен моих слов на каком-нибудь ток-шоу. Рассказать про Д'ерри, про мои с ней отношения и про все остальное. Будь я один, можно было принять такое приглашение только для того, чтобы позлить отца. Но я не хотел, чтобы весь этот хидрец коснулся матери. Не хотел снова делать ей больно. Ко всему прочему, мне не хотелось говорить про Вирну.

Но деньги мне были нужны, причем как можно скорее, и в конце концов я нашел ком-промисс и принял одно из предложений. Правда, к журналистам оно не имело никакого отношения.

В связи с недавним ростом моей популярности мне посыпалось множество предложений сняться в рекламе. Например, предлагалось продвигать шампунь от облысения или средство для чистки окон. Одна фармацевтическая компания даже предложила быть их представителем и рекламировать препарат от вздутия кишечника.

Когда Хар про это услышал, то хохотал, наверное, минут десять.

— Хорошо, что не слабительное.

— Ну знаешь ли! — поморщился я и полез в почту. Именно тогда и увидел то, что могло меня спасти.

Известная парфюмерная компании «Эрра» искала лицо своего нового мужского аромата и предлагала это мне. Идея рекламировать духи вызвала у меня улыбку, но ровно до той строчки, где шла речь о гонораре. Такой суммы хватило бы на оплату хорошей квартиры на Четвертом и на неплохой эйрлат. Мысль о возможности оставаться «на лету» пересилила, тем более что нормальную работу я так и не нашел.

Офис «Эрры» находился на Третьем круге, в сверкающей стеклянной высотке. Для Ландорхорна редкий солнечный день превратил здание в вытянутый драгоценный камень. Стоило показать документы, как меня тут же пропустили, а лифт мгновенно подбросил на восемнадцатый этаж, в приемную из стекла и металла. Только там я стянул черные очки, которые теперь постоянно носил из-за внимания журналистов.

— Ньестр К'ярд, добро пожаловать в нашу компанию! — Мне навстречу выходит темнокожая вьерха в белом костюме. Она чем-то напоминает мне маму Родреса, такая же высокая и прямая, и предпочитающая высокие каблуки. — Меня зовут Петра К'архан, я вице-прези-

дент компании, и очень рада, что вы решили принять наше предложение. Это неожиданно и приятно.

— Я пока его не принял, но готов все обсудить, ньестра К'архан.

— Петра, — улыбается она. — Пойдемте в мой кабинет.

Кабинет будто продолжение приемной, разве что здесь опущены жалюзи и царит полумрак. Отчего голубой интерьер кажется холодным. Мы устраиваемся на диванах, и Петра кивает мне на строгий насыщенно-синий флакон туалетной воды на журнальном столике.

— Это наш новый аромат, который мы планируем представить уже в этом месяце.

Она берет флакон, распыляет туалетную воду на пергамент и вручает мне. Меня больше интересует гонорар и условия, но запах оказывается приятным и знакомым.

— Напоминает соленый бриз и...

— Океан, — кивает Петра. — Мы назвали его так. Это будет очень провокационно.

— А чтобы было еще более провокационно, вам нужен я. В чем подвох?

— Подвох?

— Вы всем своим моделям предлагаете такие деньги?

— Не всем. Но вы и не все, ньестр К'ярд. Правда у нас есть условие, что вы останетесь лицом лишь нашей компании. По крайней мере, год.

— Это не проблема.

Вряд ли я соглашусь рекламировать средство от облысения.

— Тогда я сейчас сброшу на ваш тапет договор. Если вас все устроит, подписывайте, и мы завтра же начнем съемки видеоролика. Надеюсь, вы не против того, что они будут проходить в бассейне.

— Я умею плавать.

Петра кивает и оставляет меня одного. Договор оказывается достаточно простым, единственное, что меня напрягает — это то, что я обязан появляться на вечеринках по случаю дня рождения компании или дня рождения президента компании, но и это можно пережить. В основном идут всякие обязательства и гарантии. Поэтому, когда дверь в кабинет снова открывается, я готов поставить подпись. Но Петра возвращается не одна, а с девушкой. У нее густая копна темных волос и гладкая светлая кожа, она бросает на меня любопытные взгляды, но тактично отходит к окну.

— Что вы решили, ньестр К'ярд? — интересуется вице-президент.

— Что я с вами, — отвечаю и ставлю подпись.

— Замечательная новость. Тогда позвольте вам представить нашу звезду и вашу напарницу, с которой вы будете сниматься в ролике — Лиран Р'харат.

В договоре был пункт про совместные съемки, и я не имею ничего против. Поднимаюсь и протягиваю ей руку:

— Приятно познакомиться, Лиран.

— Можно просто Лира.

Лира подходит ближе и пожимает мою ладонь. В ноздри ударяет соленый бриз и свежесть: этот аромат похож на тот, что давала мне Петра. Разве что он мягче, женственнее. Но не это заставляет меня слишком быстро отдернуть руку.

Так пахнет Вирна.

Едх!

Хар прав: она занозой засела в моей голове, и не видеть ее, не встречаться с ней — не значит не помнить о ней. Не думать о ней. Не помогает даже тот факт, что у Лир с Вирной нет ничего общего. Вьерха высокая, почти одного со мной роста. Худая, но это скорее генетика, чем результат тренировок. У нее пухлые губы и длинные ресницы, а еще очень мягкие и нежные ладони с аккуратными ногтями. Лира смотрит прямо, но без вызова.

Нет, Лира ни капли не похожа на Вирну, но пахнет как она, и замечает, как я отдергиваю руку.

— Что-то не так?

— Нет, все в порядке. Ты необычно пахнешь.

— Надеюсь, это комплимент, — смеется она, — иначе я сторю со стыда.

Кажется, общаясь с Мэйс, я разучился общаться с остальными девушками.

— Потрясающий аромат.

— Это радует.

— Очень радует, — привлекает наше внимание Петра. — Мы создали два варианта аромата: для девушек или для парней. Поэтому будем снимать совместный ролик.

Вице-президент «Эрра» рассказывает, где и когда будут происходить съемки. Оказывается, что начнем сниматься мы в океанариуме, а продолжим в открытом бассейне одного из спортклубов. Съемки запланированы на следующие выходные, работать предстоит весь день. Все, что от меня требуется (и от Лире тоже) — это красиво двигаться в кадре и делать, что говорит режиссер. Поэтому всю следующую неделю мы посвятим тому, чтобы научиться, по словам Петры, «красиво взаимодействовать» друг с другом. Будем заниматься по два часа в день, и я смогу продолжить поиски постоянной работы, а заодно и квартиры.

— Есть вопросы? — интересуется Петра.

И у меня только один.

— В моем контракте написано, что мне должны предоставить аванс. Я могу получить его сегодня?

— Конечно, ньестр К'ярд.

— Просто Лайтнер.

Петра улыбается и перечисляет мне половину гонорара на мой новый банковский счет.

У Лире вроде как нет вопросов, но она продолжает ждать, и выходим из кабинета мы вместе. Уже возле лифтов она спрашивает:

— Значит ты здесь из-за гонорара?

— С чего вдруг такие выводы?

— Это единственное, что приходит в голову. Сомневаюсь, что ради популярности. Если честно, не ожидала здесь увидеть самого Лайтнера К'ярда!

Я усмехаюсь.

— Звучит так, будто я знаменитость.

— Ты и есть знаменитость. Хотя некоторые считают, что ты пиаришься на том, что выставляешь вьерхов в невыгодном свете.

— Только тех, кто этого заслуживает.

Лира прижимает ладони к губам и делает вид, что страшно испугалась.

— Ты опасный парень, Лайтнер!

— Как есть.

— И на что собираешься потратить аванс?

— На революцию.

Теперь Лира смеется, и у нее красивый мелодичный смех.

— А если серьезно?

— На новый эйрлат и аренду квартиры.

Мы входим в лифт, и я жму на кнопку первого этажа.

— А ты, значит, здесь из-за популярности?

— Да. И совсем немного ради денег. Когда я в двенадцать лет решила стать моделью, родители не поняли моего желания. Они хотели, чтобы я поступила в Кэйпдор на медицинский. Отец хирург, а мама — психоаналитик, вот и я должна была продолжить милую семейную традицию.

— Но ты не продолжила.

— Нет. И мне пришлось ждать до совершеннолетия, прежде чем у меня появилась возможность самостоятельно заключать контракты.

— А что родители? Смирились?

— Еще чего! Сказали, что это не работа для вьерхи, и что она меня не прокормит. Был сильный скандал, я не выдержала и ушла. Сняла квартиру вместе с подругой. Поначалу было трудно, но мне сильно помогла бабушка, а теперь я живу на собственные гонорары от работы моделью. И знаешь, — она улыбается так, что жмурится от удовольствия, — я абсолютно счастлива!

Наши истории удивительно похожи. Возможно, именно поэтому я не отказываюсь, когда мы выходим из здания, и она интересуется:

— Куда тебя подвезти?

— До ближайшего эйросалона.

Голубой эйрлат Лире — симпатичная стильная машинка. Модель не новая, но по-прежнему одна из лучших на рынке.

— Значит, на гонорары от съемок можно жить? — интересуюсь, расположившись на пассажирском сиденье. Непривычно быть пассажиром, но я рассчитываю это исправить в ближайший час.

— Вполне, — кивает Лира, разворачивая эйрлат. — Особенно на те, что платит «Эрра». Но я солгу, если скажу, что это работа со стабильным доходом.

— Не пробовала найти что-то дополнительно?

— Пробовала, но когда случаются вот такие съемки, совмещать сложно. Никому не нравилось, что я пропадаю на несколько дней. Зато сейчас у меня много времени на себя и на поиск интересных предложений.

Лира так заразительно улыбается, что невозможно не улыбаться в ответ.

Мы сворачиваем на шоссе, ведущее на Четвертый круг. Неудивительно, потому что большинство эйросалонов именно там.

— Салон «Бигихор» подойдет?

Я вспоминаю о Родресе и понимаю, что плевать я хотел на то, что эйрлаты «Бигихор» считаются лучшими. Несмотря на то, что оба моих предыдущих эйрлата были от компании его родителей, я не хочу возвращаться к прошлому.

— Давай лучше «Кэйлес», — говорю я.

— Как скажешь.

На Четвертом мы встаем в небольшую пробку и движемся очень медленно.

— Можешь высадить меня где угодно, чтобы я тебя не задерживал.

— А толку? — усмехается Лира. — Мне все равно в ту сторону. Не говоря о том, что сегодня я совершенно свободна.

Она бросает на меня смущенный взгляд из-под ресниц, но я делаю вид, что рассматриваю улицы Четвертого.

— Слушай, — нарушает молчание Лира, — я понимаю, что мы только что познакомились, и мое предложение может прозвучать странно...

— Начало, как минимум, интригует.

— Ты сказал, что ищешь квартиру.

— Да.

— У меня есть кое-что на примете. Моя подруга и соседка как раз съехала со своим парнем, так что ее квартира пустует. Насколько мне известно, владелец еще не нашел нового съемщика, поэтому могу дать тебе его контакты.

— Соседка?

— Ага. Квартира по соседству со мной. Поэтому я и сказала, что это может показаться тебе странным. Вдруг мы на съемках достанем друг друга! — Лира снова смеется.

Учитывая, что я собирался съехать от Хара в ближайшее время, ее предложение вполне могло оказаться интересным.

— Где она находится?

— Здесь, на Четвертом.

Большая студия на предпоследнем этаже. Новый дом рядом с парком. Парковка. Все это звучит очень заманчиво.

— По аренде не скажу, потому что все зависит, какую сумму назначит владелец, но, если договоритесь, сэкономишь на услугах риелтора.

— Спасибо, — искренне благодарю Лиру.

— Пока не за что! — Она пожимает плечами. — Если все получится, буду гордиться тем, что живу в одном доме с Лайтнером К'ярдом!

Она диктует мне адрес владельца, и как-то незаметно мы добираемся до нужного эйросалона. Лира это тоже замечает и перестает улыбаться. Очевидно, что ей со мной так же весело, как и мне с ней. Это странно, но на какое-то время я умудрился забыть о своих проблемах. Поэтому неожиданно даже для себя предлагаю:

— Если у тебя нет никаких планов, можешь помочь мне с выбором эйрлата. У тебя же как раз «Кэйлес».

Улыбка девушки расцветает вновь.

Конечно, она соглашается, и следующие два часа мы проводим в эйросалоне, где я выбираю, а потом покупаю новую машину. Я останавливаю свой выбор на серебристо-сером эйрлате с добротной начинкой, достаточно мощным двигателем и быстро реагирующей на все электроникой. Мне не терпится сесть за руль, но владелец квартиры отвечает на мой запрос и предлагает сегодня встретиться. Поэтому я говорю, что заберу его вечером.

Мы с Лирой пьем льяри в одном из ближайших кафе и едем на встречу с владельцем квартиры. Точнее, на встречу еду я, а Лира — просто домой. Но учитывая, что она живет на том же этаже, студию мы тоже посмотрим вместе.

Я опасался, что студия, в которой жила девушка, окажется слишком девчачьей, но зря: вся мебель здесь в темно-коричневых тонах, разбавленных кремовым. К счастью, здесь множество дизайнерских светильников и огромные окна, поэтому нет ощущения, что я в пещере. Эта квартира подходит мне идеально.

— Мне нравится, — говорю я владельцу, молодому вверху с растрепанными волосами, и без раздумий подписываю контракт на полгода вперед. Тем более что стоимость аренды меня полностью устраивает.

— Это нужно отпраздновать! — говорит Лира, когда я получаю ключи и провожаю ее до дверей ее квартиры. — Зайдешь?

Она смотрит на меня с надеждой и как-то слишком серьезно, а я почти готов согласиться.

Но тут дверь квартиры напротив открывается, и мне в грудь будто ударяет океанской волной. Потому что передо мной стоит Мэйс.

Глава 5. Чудесный во всех отношениях день

Вирна Мэйс

У судьбы явно странное чувство юмора, потому что вторая случайная встреча за столь небольшой промежуток времени — это уже слишком. Точно так же, как слишком — видеть эту девицу рядом с ним. Во-первых, она въерха. А во-вторых, это ее жизнь. Моя жизнь в этом доме взятая взаймы, почти так же, как были взяты взаймы мгновения жизни рядом с ним. Все, что у меня появилось благодаря покровительству Дженны, у которой в свою очередь покровительство от... едх бы его побрал, почему именно сейчас я не могу сразу вспомнить его имя — Мильен Т'ерд — у таких, как эта девица просто по праву рождения.

Потому что они вроде как нас защищают.

От силы стихии.

Ха.

Еще десять раз ха.

И еще сто вдогонку.

Я собираюсь пройти мимо, когда К'ярд интересуется:

— Что, даже не поздороваяешься?

— А должна?

— Дверь ты тоже не должна закрывать?

Я резко разворачиваюсь и понимаю, что дверь действительно не закрыта. Она даже не прикрыта — потому что замок срабатывает автоматически, стоит ее захлопнуть. При мысли об этом хочется побиться головой о стену. Я дергаю ручку на себя, и дверь запечатывает квартиру.

Правда, теперь убегать уже поздно, да и зачем?

С какой радости мне вообще убегать?

Я выразительно смотрю на К'ярда и так же выразительно говорю:

— Добрый день!

— Если он добрый, — хмыкает он.

Девица переводит взгляд с меня на него, с него — на меня, и обратно. Не представляю, насколько еще затянутся эти гляделки, поэтому говорю:

— Мне пора на работу, — снова собираюсь пройти, и он опять меня останавливает.

— Думаю, нам нужно поговорить.

— Что, прямо здесь?

— Прямо здесь тебя чем-то не устраивает?

Я смотрю ему в глаза. От сгущающегося напряжения разве что воздух пополам не раскалывается, как камни от силы въерха. Или как волна от...

Чтоб его!

Я с трудом подавляю желание вытащить очки — в такое время это будет очень актуально. И еще актуальнее будет, если у меня прямо сейчас вспыхнут глаза. Не должны бы, рядом нет воды, но рядом есть он — и это уже само по себе опасно. Поэтому я делаю вдох, выдох, и только после этого говорю:

— Возможно, тем, что мы не одни.

— Лира моя девушка.

— Правда? Тогда не вопрос. — Я складываю руки на груди. — С твоей предыдущей девушкой мы даже подружились. Так что? О чем ты хотел поговорить?

Рука К'ярда ложится на талию девицы, она в ответ обнимает его за плечи. Вызывая у меня совершенно безотчетное желание побить головой о стену уже ее.

— Ты здесь живешь?

— Как видишь. А ты в гостях?

— Нет, я снял квартиру, чтобы быть поближе к Лире. Так что теперь мы соседи.

— Потрясающие новости. Это все, о чем ты хотел поговорить?

— Пожалуй, да. Не хотел, чтобы между нами возникло недопонимание.

Я не уверена, что сейчас выговорю последнее слово, потому что желание побить головой о стену хоть кого-нибудь становится животным, диким и безотчетным. Но главное — это то, что рождается у меня внутри, что-то гораздо более серьезное, чем то, что повредило кран в Кэйпдоре. Поблизости никаких кранов, но если я вывернула раковину наизнанку, шутить с этим лучше не стоит.

— Между нами все предельно ясно, — сообщаю я. — А теперь мне действительно пора на работу.

Я подхожу к лифту, вдавливаю палец в панель.

Вообще-то мне еще рано на работу, я вышла в магазин за продуктами, но не уверена, что хочу сюда возвращаться. Мало ли — опять встречу с соседями, а в этом доме окажется слишком хлипкий водопровод.

На улицу я вылетаю, понимая, что забыла застегнуться, но у меня нет ни малейшего желания застегиваться. Несмотря на то, что холодный ветер врзается в грудь, мгновенно пропитывая одежду и кожу ледяными хлесткими потоками, до магазина я так и дохожу, в расстегнутой куртке. Перед раздвижными дверями меня уже колотит, но именно эта дрожь мне сейчас и нужна. Чтобы немножко остыть.

В магазине я не могу согреться.

Этот магазин — совершенно не такой, к каким я привыкла на пятнадцатом. Здесь несколько этажей, и все это продукты. Полки с продуктами просто ломаются от изобилия. Можно взять, что угодно. В кафе на втором этаже можно взять готовые блюда. У меня в квартире даже есть плита, на которой можно готовить.

И все равно я не могу отделаться от мысли, что живу взаймы.

Дженна обеспечила моих сестер охраной, если быть точной, охраной их обеспечил Н'эргес. Их постоянно сопровождают — никому из Ромининых дружков к ним не подобраться. Меня пока оставили в покое, но это в покое — как обманчиво-спокойная гладь воды перед штормом. Близится день интервью, которое перевернет мой мир, и вот тогда... Что будет тогда, я не знаю.

Меня по-прежнему знобит, но я хожу между полок, швыряя в эйротележку продукты и первое, что приходит в голову. Полотенца. Новое постельное белье. Всякие приятно пахнущие флакончики с гелями для душа. Шампуни. То, что у меня стоит в ванной — это привычки из прошлой жизни. Все очень скромно, все очень-очень дешевое. Все очень не для такой квартиры, не для такого района, не для такой жизни — как у этой девицы!

Да что со мной такое?!

Дженна сказала, что я могу ни в чем себе не отказывать, и я не буду отказывать. В конце концов, они собираются использовать меня в своих целях, а я использую их. Все честно.

Останавливаюсь напротив закрытых полок, где за стеклом с электронным замком запечатан дорогой алкоголь. Я смотрю на бутылки, возвышающиеся рядами, и ни одно название мне ровным счетом ни о чем не говорят. Говорят только цифры на этикетках, обозначающие крепость.

— Могу я вам чем-то помочь, нисса? — Ко мне подходит девушка-консультант. — Выбираете напиток для какого-то случая?

«Хочу разбить бутылку о чью-то голову».

— Не по случаю. Просто так.

— Что-то покрепче или послабее?

— Покрепче.

— Тогда могу вам предложить...

— Вирна?! Невероятно!

Я поворачиваюсь — медленно, и вижу стоящую рядом Кьяну.

Чтоб меня в Ктарианскую впадину засосало.

Сегодня просто день незабываемых встреч!

Консультант тактично отступает и уходит, а я остаюсь один на один с бывшей девушкой К'ярда. Интересно, меня можно назвать бывшей девушкой К'ярда? И как часто они у него менялись? Прямо так и подмывает спросить это у Кьяны, но она совершенно не виновата в моем настроении. И в том, что отец К'ярда оказался прав: нам с ним было не по пути.

— Привет, — отвечаю я.

— Привет! Ты что здесь делаешь?

— Я здесь живу. Поблизости.

И К'ярд со своей новой девушкой тоже.

Сдались они мне!

Кьяна смотрит на меня молча, а потом улыбается:

— Так это же здорово! Значит, мы почти соседи.

Вот что не так с этой девушкой? Если вспомнить, как мы расстались в прошлый раз...

— Почти — потому что мы с Харом живем с другой стороны Четвертого. Здесь просто случайно оказались, и я решила зайти в магазин. Чтобы потом сразу домой.

Я просто не представляю, что на это ответить. Хотя бы потому, что мне нельзя с ней общаться, но и уходить тоже отчаянно не хочется. Кьяна — как островок уверенности и спокойствия, она такая самая по себе. Мне не хочется быть с ней грубой, не хочется снова отталкивать, мне просто...

Хочется с ней дружить.

Почему все так сложно?!

— Чудесно. Передавай Хару привет, — говорю я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Она легко касается — не меня, эйротележки. Видимо, помнит о том, что было в прошлый раз от ее прикосновения.

— Вирна. Я очень рада тебя видеть.

В ее словах — ни капли фальши, заподозрить Кьяну в неискренности все равно что заподозрить Ромину в любви к людям. Она настолько откровенная и прямолинейная, что сомневаться не стоит: действительно рада.

— И я была бы рада еще больше, если бы мы с тобой продолжали общаться.

— Что, даже несмотря на твою дружбу с К'ярдом? — Слова срываются с губ раньше, чем я успеваю их остановить.

— При чем тут Лайтнер? — Кьяна пожимает плечами. — Меня совершенно не касается то, что между вами произошло. Я сейчас общаюсь с тобой и говорю о том, что хотела бы как-нибудь с тобой встретиться и просто посидеть где-нибудь. Что скажешь? Можем сходить в парк, пока не стало слишком холодно.

Мне отчаянно хочется согласиться, хотя я должна отказаться.

Но ведь если я один раз просто схожу с ней в парк или посижу в кафе, ничего страшного не случится? Теперь, когда Дженна и Н'эргес и Т'ерд заполучили меня, им больше нет никакого дела до того, с кем я общаюсь. Но Кьяна — вверху, а я собираюсь разрушить их мир.

Все эти мысли проносятся в голове столь стремительно, что я не успеваю даже задержаться на какой-то одной.

— «Мой номер у тебя есть, — произносит она. — Так что как надумаешь — пиши. Будет здорово!»

Кьяна улыбается и сворачивает к полкам с полуфабрикатами, а я толкаю тележку мимо стеллажей с алкоголем. В том, что будет здорово, я не сомневаюсь, главное, чтобы потом не

получилось, как с К'ярдом. В том, что получится, я тоже не сомневаюсь, потому что после моего интервью Кьяна даже смотреть на меня не захочет, не говоря уже о чем-то большем. Если наши «отношения» с Лайтнером ее «не касаются», то это коснется так или иначе. Это так или иначе коснется любого вьерха или вьерхи, поэтому пусть уж лучше она меня ненавидит вдали от меня, чем когда мы снова начнем общаться.

На тапет некстати приходит сообщение: «Надо поговорить».

Сообщение от Вартаса, и я быстро набиваю ответ: «Не сейчас».

«Сейчас».

Он набирает меня раньше, чем я успеваю закрыть сообщения.

— Сколько еще ты будешь кормить меня завтраками?

Сговорились они все, что ли?

— Я обещала поговорить с Дженной, когда представится удобный случай. Пока он не представился.

— Зная тебя, он не представится никогда.

Я невольно понижаю голос:

— Тебе не кажется, что это не совсем то, что стоит обсуждать по тапету?

— Кажется. Поэтому я сейчас еду в «Бабочку». С тобой или без тебя, но я с ней познакомлюсь.

Я. Его. Ненавижу.

Это первое, что приходит мне в голову. А второе — я его убью.

Да, как ни посмотри, сплошные деструктивные мысли.

— Ты хоть понимаешь, к чему это приведет? — шиплю я.

— Кажется, у тебя нет выбора, Вирна. Я буду ждать тебя у «Бабочки» через час. А потом буду действовать по обстоятельствам.

— Вартас!

Он уже отключился. Набираю его — тщетно. Точно так же в пустоту уходят несколько сообщений, пока я, напрочь забыв о том, что собиралась купить на самом деле, веду эйротележку к кассам самообслуживания. Из магазина вылетаю с пакетами, бегу до дома, где сбрасываю их прямо в коридоре и кричу:

— Митри! Разбери сумки!

После чего снова выбегаю на улицу. Здесь не так далеко, но не так далеко — это когда ты не торопишься, и все складывается как нельзя лучше. Когда торопишься, все не складывается, гусеница уходит из-под носа, потом я вспоминаю, что забыла внести обязательный платеж за обучение Митри и Тай, и, уткнувшись в платежную систему, благополучно проезжаю станцию.

Назад возвращаюсь уже в таком состоянии, что Вартасу действительно грозит избиение (точнее, грозило бы, если бы не его владение вар-до), поэтому когда я вижу его у дверей, шагаю к нему и вцепляюсь в рукав куртки с такой силой, что тот не трещит по швам только чудом.

— Пойдем.

— Куда? — интересуется он, перехватывая мою руку.

— Туда, где мы можем поговорить спокойно.

— Не уверен, что ты настроена говорить спокойно.

— После того, что ты мне устроил?

— Я тебе устроил?! — Он выделяет «я», а после шагает ко мне вплотную, врезаясь в меня, телом в тело. — Ты обещала, Вирна. Ты должна была нас представить!

Теперь уже он сжимает мои запястья, но я почему-то чувствую его взгляд на своих губах гораздо более отчетливо, чем это прикосновение. Дурацкая мысль приходит совершенно не вовремя: я представляю К'ярда с его девушкой, и думаю о том, что будет, если я поцелую Вартаса.

К счастью, отрезвление наступает гораздо быстрее, чем я успеваю это сделать: ветер швыряет мне на лицо прядь волос, я вырываюсь и отступаю.

— Такие дела быстро не делаются, — говорю я.

— В твоём случае они вообще не делаются.

— Откуда ты знаешь, что делается в моём случае, а что нет?

— Так расскажи мне.

Только сейчас я замечаю, какого цвета у него глаза. Точнее, я замечала это и раньше, но замечала иначе. Не рассматривала крапинки на сером полотне радужки, чуть более темные, чем они есть на самом деле. И не думала о том, что цвет его глаз напоминает море в пасмурный день. Океан таким не бывает, никогда. А вот море — более чем.

— Вы с Лэйс очень похожи, Вирна, — он усмехается. — Твоя сестра тоже считала нормальным, что я просто бегаю рядом с ней. За ней. Принимаю все, что она говорит и делает, и не выступаю.

— Лэйс была твоей девушкой. Это твоя проблема, что ты не сумел ее разговорить. Что касается меня, мне совершенно не нужно, чтобы ты за мной бегал.

Он неожиданно рывком притягивает меня к себе и целует. Мы снова ударяемся друг о друга, но на этот раз из меня выбивает остатки воздуха, а последнее дыхание уходит в его губы, которые жестко сминают мои. Я упираюсь руками ему в грудь и чувствую, как в мою ладонь ударяется его сердце, ответом на это глухо ударяется о ребра мое.

Рывок назад — но он меня не отпускает, только чуть размыкает губы и говорит:

— Конспирация.

Его дыхание обжигает, я чуть поворачиваю голову и вижу, что на нас смотрит один их охранников.

— Бардж, привет! — говорю я, теперь уже с силой отталкивая Вартаса. — Разве сегодня твоя смена?

— Гирену стало плохо с сердцем, и Н'эргес в срочном порядке выдернул меня. А это твой парень, выходит? Приятно познакомиться! Бардж.

— Вартас. — Не отпуская моей талии, Вартас протягивает ему руку.

От такого мой инстинкт самосохранения окончательно дает сбой, и я изо всех сил наступаю ему на ногу.

— Вирна, — цедит он, когда охранник уходит к служебному входу.

— Вартас. — Я мило улыбаюсь. — Тебе не кажется, что ты не имел права представляться моим парнем?

— Кажется, он сам это предположил. И кем ты предлагала мне представиться? Случайным знакомым, который тискает тебя на улице? — Он кивает в сторону, куда ушел Бардж. — Вирна, почему ты не хочешь представить меня Дженне?

— Потому что обстоятельства изменились.

— Снова?

— Они все время меняются. — Я складываю руки на груди. — Завтра меня ждут в поли-тари по поводу обвинения Д'ерри. А через несколько дней с подачи Дженны я даю интервью.

— Интервью? — спрашивает Вартас. — Почему ты мне ни о чем не сказала?

— Потому что я не твоя девушка, — говорю я. — Так что? Пройдемся, и ты меня выслушаешь? Или все еще собираешься к Дженне?

Вартас кивает и протягивает мне руку. Я ее не касаюсь.

— Я не Лэйс, — говорю я. — Предлагаю об этом не забывать.

Он смотрит на меня долго, будто ждет продолжения, потом произносит:

— Хорошо.

— Хорошо, — отвечаю я.

И мы вместе идем по улице в сторону ближайшего кафе.

Глава 6. Война с прошлым

Лайтнер К'ярд

— Могу я спросить, кто она?

— Нет.

— Твоя бывшая?

— Нет.

— Тогда зачем тебе понадобилось представлять меня как свою девушку? Я могла не подыгрывать.

Мы одни в огромном зале для хореографии, ждем преподавателя по актерскому мастерству. Он будет учить нас как красиво стоять и двигаться в кадре. Хотя сомневаюсь, что с этим могут возникнуть сложности. Что я, ходить и стоять не умею?

Я вскидываю голову и, прищурившись, смотрю на Лиру, но она отвечает беззаботной улыбкой:

— Теперь ты мой должник, так что утоли мое любопытство. Которым я, между прочим, мучилась всю ночь!

Не знаю, мучилась Лира или нет, но вчера я действительно ушел слишком быстро. Просто сказал, что загляну к ней в гости в следующий раз, и сбежал. Отправился пешком до эйро-салона.

Первой мыслью было не переезжать в этот дом, найти другую квартиру и, желательно, за десять кругов отсюда. Как можно дальше от Мэйс. Правда, на Четырнадцатом такого комфортабельного жилья не было, к тому же, я уже внес плату. А потом я подумал: «Какого едха?» Это не моя проблема, что мы соседи. Она взяла деньги моего отца, так пусть сама переживает по поводу того, что ей нельзя ко мне приближаться.

Если переедет, я только обрадуюсь! Хар прав, нужно закрыть для себя эту тему.

И я ее закрою.

Я заканчиваю со шнуровкой на кроссовках и поднимаюсь:

— Мы вместе посещали один факультатив в Кэйпдоре.

— В Кэйпдоре? Круто! Но тогда зачем ты хотел, чтобы она ревновала?

— Ничего подобного, — морщусь я.

— Хотел, чтобы ревновала я? — предполагает Лира.

Теперь подыгрываю ей я.

— А ты ревнуешь?

— Немножко. — Она почти соединяет большой и указательный палец, показывая насколько сильно ревнует. — Так что насчет твоего сердца? Оно свободно?

Я вспоминаю лицо Вирны. Ее глаза. Ее губы.

И ее слова о том, что деньги ей нужнее.

— Абсолютно, — твердо отвечаю я.

Наш разговор прерывает появление невысокого вьерха с выбеленными прядями и пирсингом в брови. Он старше меня лет на пять, представляется как Риспен И'мрот и оказывается тем самым преподавателем актерского мастерства. Представляется мне, потому что с Лирой они знакомы.

И'мрот сходу начинает занятие, и в следующие полчаса я узнаю, что совсем не умею двигаться. Даже стоять не умею. В смысле, стою и двигаюсь я обычно, а нужно — как модель «Эрры».

— Это будет сложно, — вздыхает И'мрот, заставляя меня в очередной раз ходить туда-сюда. — Твоим движениям не хватает плавности. Нам нужно показать, что океан сильный и опасный, и, конечно же, притягательный. А вовсе не напугать зрителя. Расслабься.

Я умею учиться. У меня хорошая память и отличная реакция. У меня за плечами муштра тренеров, которых нанимал для меня отец, и занятия на полигоне с Адмиралом. Я укротил океанскую волну.

Но здесь все по-другому.

Мне нужно быть не собой, а кем-то другим. Кем-то, кем меня хочет видеть зритель.

Хмурый И'мрот гоняет меня, Лира наблюдает за нами, и когда я уже в десятый раз успеваю пожалеть, что согласился на эту работу, время занятия заканчивается.

— Не безнадёжен, — подводит итог преподаватель актерского мастерства. — И красавчик. Тебя обтесать — и станешь легендой модной индустрии.

— Спасибо за предложение, — говорю я, — но у меня другие планы на жизнь.

— Камер не боишься?

— Нет, — качаю головой. — Привык с детства.

— Замечательно. Домашнее задание — работай с зеркалом. И с походкой. Все время думай об этом, как выглядишь со стороны. На сегодня все. Завтра поработаем в паре с Лирой.

И'мрот уходит, а я опускаюсь на скамейку, чтобы переобуться.

— Это он называет расслабиться?

Лира смеется.

— Рис всегда таким был. Перфекционист. Поверь, я тоже прошла через все это.

— Тебя называли рыбой улу из-за быстрых движений?

— Желтой черепахой, — с грустью признается она. — Потому что я часто залипала на месте и всех тормозила.

— Эта тренировка меня высосала, — говорю, когда мы выходим из здания.

— Я думала, ты не боишься тренировок.

— Я и не боюсь.

— Даже воды?

— Воды? — приподнимаю я брови.

— Ты действительно умеешь плавать, как указал в контракте?

— Конечно. Зачем мне врать?

— А я солгала, чтобы получить эту работу.

Я останавливаюсь и заглядываю ей в лицо. Лира серьезна, как никогда.

— Ты не умеешь плавать?

— Мало кто умеет.

— Стоп! А если вскроется правда?

— Меня ждет штраф или увольнение. — Она хмурится. — Но если ты согласишься дать мне пару уроков, все обойдется.

Мне тут же вспоминается последний и единственный урок плавания для Вирны. Наши перепалки, как мы тесно прижимались друг к другу, как она доверяла мне. Это были наши уроки любви.

А потом все разрушилось.

Первый порыв — отказаться. Сказать, что из меня тот еще едхов тренер. Но Лира с такой надеждой заглядывает мне в глаза, что у меня язык не поворачивается сказать «нет».

— Без проблем, — говорю. — Если ты натаскаешь меня в этой модельной походке — с радостью.

— Если ты научишь меня плавать, все, что угодно!

Мы договариваемся завтра сходить в бассейн вместе и расходимся. Это к лучшему, потому что у меня есть план.

План, цель которого — наконец-то вычеркнуть Мэйс из своих мыслей и своей жизни навсегда.

Нам с ней нужно поговорить.

Подумал — сделал, поэтому я решил не откладывать это до прибоя и на этаже свернул налево. Нажал на кнопку звонка и замер.

Что мне сказать Мэйс?

Что для меня все было серьезно. Что думаю о ней до сих пор. Но хочу перестать.

Хочу стать равнодушным.

Хочу не искать ее взглядом в толпе.

Хочу забыть этот период своей жизни и просто пройти мимо, если вдруг мы столкнемся в лифте.

Да, именно так.

Я жду достаточно долго, но никто не торопится мне открывать. Тогда я жму на звонок снова. Дверь настолько толстая, что даже переливов мелодии не слышно. Никого нет дома? Или я просто незваный гость? Скорее второе. Зрачок камеры подмигивает синим, но мне сложно сказать, смотрит на меня кто-то, или это просто моя разыгравшаяся фантазия.

Очень просто представить как Вирна приникает к экрану и раздумывает, ответить или нет. Я будто физически чувствую на себе чей-то любопытный взгляд.

— Мэйс, ты там?

Она может меня слышать, а вот я не услышу даже ее дыхания, если она не нажмет кнопку — в моей квартире точно такая же система.

— Мэйс нам нужно поговорить. На этот раз без посторонних. Без этого твоего Вартаса.

— Я морщусь, вспоминая этого едха. — Нам нужно перешагнуть через это. Нам очень это нужно. В первую очередь, мне.

В ее квартире тишина, но ощущение взгляда не проходит.

— Всего один разговор! — Я едва сдерживаюсь, чтобы не пнуть дверь, но с вернувшейся силой въерха. — Если боишься, что отец узнает, то зря. Он от меня отрекся после всей этой истории в новостях. Поэтому я здесь.

Снова тишина, и я уже начинаю медленно закипать.

— Открой дверь, и мы просто поговорим. Или я буду ждать здесь до тех пор, пока ты не выйдешь. У тебя закончится еда, или тебе понадобится идти на работу, рано или поздно это случится. Так почему просто не открыть эту едхову дверь?

Я понимаю — завелся настолько, что даже если Мэйс откроет, никакого конструктивного разговора у нас с ней не получится, и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Но в эту минуту замок на двери Мэйс тихо пиликает.

Я оглядываюсь, но из осторожно приоткрытой двери выглядывает совсем не та Мэйс, которая мне нужна, и даже не язва, интересующаяся новостями и моей семьей. На пороге появляется самая младшая: она лихо спрыгивает с достаточно высокого стула, на который непонятно как забралась. Я едва сдерживаю порыв податься вперед, чтобы перехватить девочку и не дать ей свернуть шею, но, судя по всему, она делает это не первый и не последний раз.

Я смотрю на нее, она смотрит на меня. Широко распахнутыми глазами, но без страха. Будто пытается получше рассмотреть. И я неосознанно отмечаю про себя, что несмотря на семейную схожесть, волосы у нее густые и какие-то пушистые, глаза более темные, чем у Мэйс, а веснушек на ней столько, что будь это деньги, их семейка ни в чем бы не нуждалась.

Последняя мысль напоминает мне о том, зачем я вообще здесь, и выдергивает меня из замешательства.

— Я ищу твою сестру, — говорю я и запоздало вспоминаю, что есть еще любительница новостей. — Самую старшую. — А еще пропавшая ныряльщица! — То есть Вирну! Да, я ищу Вирну.

Она улыбается. Открыто и искренне, как могут улыбаться только дети.

— Вирны нет дома, — сообщает она звонким голосом. — Она ушла по делам.

Значит, я тут, не сдерживаясь в выражениях, убеждаю Мэйс со мной поговорить, а на самом деле все это слышала ее малолетняя сестра, которой такого вообще слышать не положено.

— Тай? Правильно?

— Да. — Девчонка разве что не сияет от удовольствия.

— Разве сестры не учили тебя не открывать дверь незнакомцам?

— Учили! Но ты же знакомец. — Она смешно хмурится и тут же исправляется: — Я тебя знаю. Ты друг Вирны.

— Больше не друг, — качаю головой и присаживаюсь на корточки. Теперь наши головы оказываются на одном уровне: Тай такая мелкая, что странно, что она уже ходит в школу. С другой стороны, если вспомнить Мэйс, она тоже мелкая, хотя учится в академии. Точнее, училась.

— Вирна отказалась с тобой дружить? — интересуется эта наивность.

— Можно сказать и так.

Сейчас мне самому смешно за свою вспышку. Еще повезло, что дома оказалась только малышка, а так бы развлек все семейство Мэйс.

— Почему?

— Вот и мне хотелось узнать, почему, — говорю скорее для себя, чем для Тай, и уже громче: — Она нашла себе другого друга.

Девочка снова улыбается.

— Вартас хороший и добрый, но ты лучше.

— Это еще почему?

— Ну как же? Ты поселил нас в домике на берегу океана и познакомил с Зоргом. Он тоже хороший и никогда не ругался, когда я играла. Лэйс всегда ругалась и говорила не бегать. А возле океана так красиво, и песок белый-белый, как сахар в кафе «Маленькая лагуна». Еще ты смелый, спас Вирну, когда пришла та большая волна. И красивый!

Все это она выпалила на одном дыхании. Выпалила и покраснела.

— Спасибо, малышка, — улыбаюсь я детской непосредственности и искренности. — Ты тоже очень красивая.

— Но у меня не такие красивые глаза, и они не горят огнем. У Вирны тоже они красивые, но цвет другой.

У Вирны самые прекрасные на свете глаза.

Цепляюсь за эту мысль и снова злюсь. Пора заканчивать с комплиментами для малышки и уходить. Мэйс неизвестно когда вернется, а настроение во всем разбиться резко пропало.

— У вас похожие глаза, — напоминаю я, поднимаясь. — И теперь у вашей семьи своя прекрасная квартира, гораздо лучше, чем домик Зорга.

— Она не наша. За нее платит нисса Карринг.

— Нисса Карринг? Кто это?

— Начальница Вирны из «Бабочки». Она платит за все: за еду и одежду. Я слышала их разговор с Митри.

— Ты имеешь в виду зарплату?

— Нет. Вирна сказала, что все это, — она кивает за спину, — принадлежит ниссе Карринг.

— Но у нее есть деньги моего отца. Почему она не пользуется этим счетом?

Зачем ей вообще брать деньги у Карринг, если она теперь богата? Отец сказал, что не поспешил, когда откупался от Вирны.

Тай быстро-быстро моргает.

— Не знаю.

Она выглядит расстроенной, и я примирительно поднимаю руки.

— Ладно-ладно. Рад был с тобой познакомиться и пообщаться, но впредь никому не открывай. Даже друзьям своих сестер. Тем более бывшим друзьям.

— Даже тебе?

— Мне тоже. Никаких исключений!

— Обещаю, — снова улыбается малышка. — Я скажу, что ты приходил.

— Не нужно. Пусть это будет нашим секретом. — Конечно, надежда на то, что секретом это и останется, очень маленькая, учитывая болтливость Тай, но я не собираюсь отдавать свою волну Мэйс. — Я лучше зайду в гости, когда Вирна будет дома.

Жду пока малышка захлопнет дверь, и только после, сунув руки в карманы, направляюсь в сторону своей квартиры.

Мысли о Вирне по-прежнему меня не оставляют. Кажется, теперь их становится еще больше. Как и вопросов.

Куда она дела отцовские деньги? При чем здесь эта Карринг и почему она дает немаленькие деньги Вирне? Вернее будет сказать — за что?

Мне не нужно во все это ввязываться.

Вирна и ее семья меня больше не касаются.

Я всего лишь собирался покончить с прошлым. Выиграть эту войну с собственными чувствами.

Но чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, что разговор с Мэйс ничего не даст. Она навешает мне на уши синих водорослей, и на этом все.

А значит, придется присматривать за ней издалека.

Кажется, войну с прошлым я сегодня проиграл.

Глава 7. Причины и следствия

Вирна Мэйс

У меня была едхова смена. Все, чего я хочу — это спать, но, когда я ложусь, выясняется, что «спать» — это не про меня. Сначала Митри решает поинтересоваться, не хочу ли я ей дать денег на «где-нибудь посидеть». В диалоге выясняется, что «где-нибудь посидеть» — это там, куда ходит мальчик, который ей нравится, и ей нужно там посидеть, чтобы он обратил на нее внимание.

— У тебя Тай, — напоминаю я.

— Тай — это даже хорошо, — миролюбиво соглашается она. — Парни западают на девочек, которые заботятся о мелочи.

— Хорошо, — говорю я. — Переведу. Но чтобы до пяти были дома.

— До пяти?! Ты же позже уходишь на смену.

— До пяти, — повторяю я. — И мы еще поговорим про этого твоего Рикарда Дрогана. Лично я против того, чтобы ты с ним встречалась.

— С чего это? — тут же ошетинивается Митри.

— Кто вообще может встречаться с парнем по имени Рикард Дроган?!

Сестра заметно расслабляется, фыркает:

— Кто бы говорил!

Прежде чем я успеваю поинтересоваться, о чем это она, дверь уже захлопывается. Кажется, я как никогда близка к тому, чтобы закатить глаза и сказать, что всем от меня нужны только деньги (дожили, Вирна!). Как бы там ни было, я делаю перевод сразу, потому что понимаю: стоит закрыть глаза, и все Рикарды Дроганы мира, а заодно и полезные места, в которых они бывают, перестанут существовать. Далеко не факт, что я о них вспомню, когда проснусь, поэтому лучше уж так.

Я прижимаюсь щекой к подушке, обхватываю ее руками, и почти погружаюсь в сон, когда над ухом раздается:

— К тебе приходил он!

Будь я в нашем старом доме, на первой запретной линии, я бы точно обрела шишку на голове. Потому что над моим диваном висела полка, и потому что подскочила я сейчас как ошпаренная. Рядом со мной стоит Тай, в уже полностью застегнутом пальто (правда, наискосок, убью Митри!) и хлопает глазищами.

— Что? — спрашиваю я. — Кто ко мне приходил?

— Клайтнер Ярд, — она задумывается, потом хмурится. — Нет, Лайтнер К'ярд.

Могла бы не уточнять, но... да. Пожалуй, теперь я буду звать его Клайтнер Ярд. Ему идет.

— Вообще он сказал, что это наш секрет, и я не сказала Митри. Но я сказала тебе, потому что посчитала, что так правильно. Вот. — Тай разворачивается, чтобы уйти, но я ее перехватываю и начинаю расстегивать пальто.

— Митри пропустила пуговицу, — сообщаю.

Как будто сейчас меня пуговицы интересуют. Нет, как хорошую сестру они меня должны интересовать, но к едхам пуговицы. Я просто их застегну.

— Что он сказал?

— Кто?

— Лайтнер-Клайтнер.

Тай смеется: ей понравилось. Мне тоже, кстати, я даже улыбаюсь вполне искренне.

— Искал тебя. Я сказала, что тебя нет дома.

— А он?

— Сказал, что я красивая. А еще что ты отказалась с ним дружить.

— Вот как, — пуговицы застегиваются гораздо медленнее, чем положено.

— А ты не отказывалась?

— Ну...

— Тай, куда тебя занесло?! О-у-упс, — в комнату заглядывает Митри. — Она тебя разбудила? Прости. Пойдем, маленькая засранка, а то мы уже опаздываем.

— Пару минут подожди, — говорю я. — Застегну ей пальто нормально.

— А, ок, — Митри прислоняется к стене и достает тапет.

— И не называй Тай засранкой.

Сестра издает какой-то звук, предположительно означающий согласие.

При ней расспрашивать про «Клайтнера» как-то странно, поэтому пуговицы застегиваются гораздо быстрее. Сестры уходят, а мне теперь — вместо того, чтобы обнимать подушку, хочется ее погрызть. Вместо этого я просто переворачиваюсь на спину, лежу и смотрю в потолок.

Зачем он опять хотел меня видеть?!

Какая мне разница?!

У него теперь вообще новая девушка.

Переворачиваюсь на живот, с размаху накрываюсь подушкой, но так скоро становится нечем дышать.

Я. Его. Ненавижу!

Почему он просто не может отвалить?!

Почему он никогда этого не мог?!

Сбрасываю подушку, сажусь. К счастью для нас двоих, он сейчас в Кэйпдоре, и к счастью для нас двоих, я не пойду к нему говорить, чтобы оставил меня в покое! Если ему что-то надо, пусть приходит, тогда я это ему скажу. Тогда я много что ему скажу, в частности о том, что меня не интересует скорость замены его девушек и их численность в Ландорхорне.

Почему-то сон уже не идет, проворочавшись какое-то (по ощущениям, весьма долгое) время, я встаю, иду на кухню с одной-единственной мыслью: почему я не могла промолчать, когда столкнулась с К'ярдом, зачем назвала его засранцем, и почему с одними всегда так сложно, а с другими легко? Вот Варта, например, меня выслушал, все понял, мы с ним хорошо поговорили и по-доброму разошлись. Теперь он больше не будет доставать меня с Дженной.

Почему К'ярд не может быть таким же?!

Почему от него столько проблем?!

Делаю себе льяри: загружаю зерна в машину, когда слышу звонок. Рука дергается, и зерна рассыпаются по столешнице, по полу, а заодно и в мои домашние туфли.

Мысли в голове как головастики в сильном течении.

Он что, снова прогуливает?

Мне не надо открывать.

Я. Не. Пойду. Открывать.

Вытряхиваю содержимое туфельки в мусорницу, когда звонок повторяется.

Хорошо.

Ладно.

Он хочет поговорить?!

Отлично!

Я с хрустом (потому что наступаю на несколько зернышек) шагаю в холл, подхожу к двери и распахиваю ее. Чтобы увидеть стоящую напротив меня Лиру.

Только этого мне не хватало.

— Я не настроена на беседу, — резко сообщаю я, и мне трижды плевать, что это невежливо. Никогда не понимала людей, которые изображают из себя непойми что, общаясь с теми, кого хочется швырнуть с лестницы.

Въерхов, к слову говоря, тоже. Вот Кьяна бы с ней точно пообщалась.

— Фу, как грубо, — произносит Лира, откидывая свои идеальные волосы за спину. — Между прочим, я пришла подружиться.

— Запомнила, что я говорила про предыдущую девушку? С тобой это не прокатит, — собираюсь захлопнуть дверь, но она резко шагает вперед.

— Вышвыривать из дома будешь человек, — говорит она, и глаза ее разгораются от силы въерха. — А меня выслушаешь, понятно?

В кои-то веки жалею, что моя сила слишком мне не подчиняется, и что мы слишком далеко от воды. Хотя мне никто не мешает хватануть ее за руку, правда? Хватануть — спалиться, в прямом и переносном смысле. Потому что то, что происходит со мной рядом с въерхами и с въерхами рядом со мной очень подходит под это описание.

— Ты можешь говорить, я пошла, — сообщаю я, поворачиваясь к ней спиной. — Как закончишь, закрой за собой дверь.

— Ты совсем отбитая на голову?! — рычит Лира и хватается меня за локоть. — Или у тебя плохо со слухом, человечка?

К счастью, у меня длинный рукав, а к несчастью... Вартас научил меня вар-до. В нос я бью совершенно молниеносно. От неожиданности она отшатывается, хватается за лицо и кричит:

— Больная! Ты совсем рехнулась?!

— Я предупреждала, — говорю, указывая на дверь. — Выход найдешь, или в глазах двоится? Тогда ищи дверь посередине между двумя.

— Ты пожалеешь, — шипит Лира. — Клянусь, ты пожалеешь. У меня есть связи, и...

— Как ты думаешь, — я шагаю к ней и смотрю на нее в упор, — человечка может позволить себе такую квартиру без хороших связей? Так что вали, и я забуду о том, что ты вломилась ко мне в квартиру. Угрожала мне и называла человечкой, мой любовник очень плохо на это реагирует. Все понятно?

Меня несет, и я несу какую-то чушь, но на Лиру действует безотказно. Она вылетает за дверь, по-прежнему прижимая руки к лицу и бормоча что-то себе под нос (который явно требует льда или чего-то вроде холодной ложки). Стоит ей уйти, я с грохотом запечатываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Меня потряхивает от эмоций, и все это время я пытаюсь осмыслить, как вообще докатилась до жизни такой.

Дерусь с девушками К'ярда.

Впрочем, может, оно и к лучшему. Теперь она точно ко мне не сунется, а при встрече будет обходить меня десятым кругом. Надеюсь, этих встреч больше не случится.

Запускаю машину и жду, пока приготовится льяри. Густой крепкий напиток дымится в чашке, от горечи на губах не отделаться. Не только на губах, по ощущениям, эта горечь в меня проросла вместе с моей ложью. Я лгу всем подряд: начиная от сестер и Вартаса, и заканчивая самой собой.

Что мне все равно.

Ни разу мне не все равно. Иначе я бы выслушала эту Лиру и забыла о ней сразу же, как только за ней закроется дверь. Вопрос только в том, когда станет легче?

По-моему, у меня слишком много свободного времени.

По крайней мере, раньше таких заморочек не случалось, вроде К'ярда и его бывших, будущих и настоящих. О чем я вообще думаю?! У меня интервью скоро, я собираюсь выступить против въерхов, но только и делаю, что постоянно вязну в прошлом, вернуться в которое невозможно.

А даже если бы я и вернулась, что толку?

Одно прикосновение вверху способно оставить на мне ожог, и мое прикосновение кверху — аналогично. С таким препятствием достаточно сложно будет построить отношения, даже дружбу. Не говоря уже о чем-то большем.

Я продолжаю пялиться в окно, стараясь об этом не думать.

Стараясь не думать о Кьяне и о ее предложении.

«Мой номер у тебя есть. Так что как надумаешь — пиши. Будет здорово!»

Это действительно могло бы быть здорово. Могло бы. Кьяна — из тех, с кем мне было по-настоящему хорошо. Думаю, не только мне, если она предложила.

Тянусь к тапету и пишу быстро, пока не передумала: «Кьяна, привет! Это Вирна. Как насчет встретиться на этой неделе?»

Кьяна не отвечает, что, в общем-то, неудивительно: она на занятиях, а на занятиях Кьяна может переписываться только с Харом.

Вспоминаю наши пикировки с К'ярдом и мне становится тоскливо. Особенно тоскливо становится, когда я думаю про Кэйпдор. Мне ведь действительно нравилось там учиться — несмотря на пренебрежительное отношение вьерхов, несмотря на то, что временами преподаватели сознательно занижали людям баллы, а декан могла пригрозить отчислением за то, что я опоздала, задержавшись у политари, когда у меня пропала сестра.

Но ведь для этого я делаю все то, что делаю, не так ли?

Не ради Дженны или каких-то там далеких светлых идеалов. Для вполне приземленных. Чтобы люди могли учиться наравне с вьерхами, чтобы могли отстаивать свою точку зрения, не опасаясь, что вылетят с работы.

Кулак, которым я прошлась по носу Лиры, начинает нестерпимо жечь, и я разгибаю пальцы. На них традиционно ожог — рваные красные островки с каждой минутой становятся все ярче. Я иду в ванную и сую руку под ледяную воду, глядя на мощную, быющую о дно раковины струю. На нее моя сила не реагирует никак, а если...

Я срываюсь в мгновение, хватаю ключи, сумку и самое необходимое, лечу на забытый всеми Пятнадцатый. Моя сила из легенд не просто что-то неизученное, это то, с чем мне предстоит жить, а изучить это я могу только на собственном опыте. Буквально.

Спустя пятнадцать минут бега по знакомым, засыпанным грязью и пылью, подхватываемой морским ветром, улочкам, я снова вдалеке от цивилизации, на границе с запретным. Иду по холодной гальке, приближаюсь к воде. Опускаюсь на корточки и позволяю волне облизать руку.

От соли ожоги начинает печь еще сильнее, я едва сдерживаюсь, чтобы не зашипеть и не отдернуть руку, но... спустя несколько мгновений боль отступает, сменяясь мягким покалывающим холодом. Вода меня исцеляет. Тоже буквально. Красные пятна блекнут, рваные края становятся ровными.

Глубина, это настолько волшебно, что кажется нереальным. Я поднимаю руку, рассматриваю ее на свет: солнце в капельках воды играет бликами, от ожогов осталось лишь легкое воспоминание — в качестве светлых пятнышек кожи, восстановившихся на их месте.

— Ничего себе, — говорю, продолжая рассматривать собственные пальцы, как какое-то чудо. — Ничего себе...

В сумке вибрирует тапет.

Ответ от Кьяны:

«Вирна, я так рада! Когда у тебя выходной?»

«Послезавтра, перед очень насыщенными выходными».

Выходные в «Бабочке» и правда насыщенные, а после того случая — когда я сломала раковину и вырубилась, я обязательно беру один выходной в неделю...

Когда я сломала раковину.

Как, едх меня подери, я могла сломать эту раковину, если моя сила реагирует только на живую воду?! Если только... если только под Кэйпдором нет подземного моря или чего-то вроде. Оглушенная догадкой, я замираю с тапетом в руке, позволяя ветру слизывать крошечные остатки соленых капель с моей ладони.

Но кому могло прийти в голову построить Кэйпдор, Кэйпдор, где учится элита въерхов, над морем? Это же чистейшей воды самоубийство, точнее, убийство их силы. Их сила слабеет от естественных водоемов, да что там, они не смогли бы проводить тренировки на своем полигоне, если бы в глубине недр под ними было море.

Или смогли бы?

Какая удаленность от воды не способна навредить силе въерха?

Тапет снова вибрирует:

«Тогда ждем тебя с Харом в гости на ужин послезавтра. Время и адрес пришлю чуть позже».

Я даже не успеваю ответить, потому что из-за спины раздается голос:

— Нисса, поднимите руки и медленно отойдите от воды!

Я поднимаю, вместе с тапетом. Оборачиваюсь и вижу двух застывших в нескольких валлах от меня политары, мужчину и женщину. Мужчина держит меня на прицеле. У обоих нагрудная нашивка с перечеркнутыми волнами.

Прибрежный патруль.

Глава 8. Двойное дно

Лайтнер К'ярд

Дженна Карринг была управляющей «Бабочкой». Кажется, я даже видел ее на том злощастном юбилее, на сцене. Но учитывая, что тогда все свое внимание я сосредоточил на Вирне, то запомнил Карринг весьма относительно.

В сети о ней было мало информации. В каких-либо скандалах не замешана. Она начинала как простая официантка, а потом доросла до управляющей высококлассным клубом. Очень высокий статус для человека, для такого нужно, как минимум, обладать высоким профессионализмом, или же оказать неоценимую услугу вверху. Я не знал, что связывало ниссу Карринг с владельцем «Бабочки», но в средствах ограничена она не была, раз занималась благотворительностью вроде устраивания прекрасной жизни для сирот с окраин Ландорхорна. В частности, так случилось с Мэйс.

Карринг могла увидеть в Вирне себя и взяла под свое крыло. Сама доброта.

Одно дело — увеличить зарплату, наградить премией. Совсем другое — поселить все рыжее семейство на Четвертом в классной квартире и оплачивать их счета. Так сказала мелкая, и я ей верил.

Что-то здесь нечисто. Зачем этой Карринг Вирна?

Что их связывает на самом деле?

Додумать я не успеваю, потому что вскидываю голову и замечаю маму, спускающуюся по ступенькам одной из высоток на Третьем круге. Здесь живет и работает ее психоаналитик, которого она обязательно посещает раз в неделю в один и тот же день и в одно и то же время. Шанс на то, что она окончательно поправилась и вернулась к своему привычному графику, был равен почти нулю, но как оказалось, мне несказанно повезло.

Мама в темных очках, но я ни с кем ее не спутаю: узнаю по прямой спине и походке. Правда, сейчас ее движениям не хватает свойственной ей плавности, мягкости, и уснувший гнев начинает ворочаться внутри.

Отец. Это всё из-за него.

Точнее, не всё, в том, что с ней случилось, есть часть и моей вины. Но в том, что он не позволяет нам с мамой видеться, только его заслуга.

Рассчитывает, что я просто так сдамся? Ну нет!

Я выхожу из машины и направляюсь к маме, пока она не успела нырнуть в остановившийся напротив входа в здание темный эйрлат. До нее остается валлов двадцать, когда мой путь перекрывают Шадар и один из безопасников отца.

— Пропусти, — приказываю я.

— Не делай глупостей, Лайтнер, — предупреждает Шадар. — Тебе запрещено приближаться к ней.

Он как всегда холоден и спокоен, и поэтому еще больше хочется стереть это спокойствие с его лица. Но я здесь не для этого. Тем более что силу использовать нельзя, если я не хочу обратно в участок политари.

— Дай нам поговорить, а после я уйду.

— Уйдешь сейчас, если не хочешь проблем.

Я толкаю второго безопасника в попытке пройти, прорваться вперед, но меня живой стеной перехватывают. Мама почти села в эйрлат, и у меня не остается выбора, кроме как окликнуть ее:

— Мам!

Она оборачивается: из-за очков я не вижу ее глаз, но она замирает и шепчет мое имя. Я его не слышу, но читаю по тонким губам.

«Ну же, мам, подойди ко мне и прикажи этим едхам не соваться не в их ракушку!» — мысленно прошу я.

Но мама качает головой и скрывается в салоне эйрлата.

Что это значит? Это как вообще?

В этот момент безопасники отталкивают меня.

— Уходи, — говорит Шадар. — И если я увижу тебя еще раз рядом с кем-либо из семьи Кьярд, особенно рядом с ньестрой Кьярд...

— То что? — зло усмехаюсь я. — Уберешь меня по приказу папочки?

— Нет. Я заявлю политари о преследовании. Все будет по закону, Лайтнер.

Закону, который отцу не писан. Точнее, закону, написанному моим отцом.

Я стряхиваю удерживающую меня ладонь с плеча, разворачиваюсь и иду к своему эйрлату. Только мысль о том, что я сам за него заплатил, и за ремонт тоже придется платить самому, останавливает меня от того, чтобы вырвать рогатку с корнем — найти выход моей ярости.

Чем отец запугал мать, если она сама не хочет со мной говорить?

Я почти готов ударить по панели управления, но тапет вдруг взрывается мелодией входящего вызова. Звонит Лира.

— Привет, Лира. Я не забыл насчет плавания, сейчас заскочу домой, и встречаемся в спортклубе через час, как и договаривались.

— Я не пойду в бассейн, Лайт, — отвечает она тихо. — Мне теперь это не нужно. Я не смогу участвовать в съемках. — На последнем слове ее голос срывается, Лира всхлипывает, и я понимаю, что произошло что-то серьезное. Об этом говорит хотя бы тот факт, что работа для Леры значит всё, а ради рекламы для «Эрры» она даже решилась солгать.

— Что случилось?

Девушка не отвечает и начинает плакать сильнее.

— Где ты?

— Дома.

— Я сейчас приеду.

Благодаря пробкам дорога занимает больше, чем я рассчитывал, но все мои мысли сосредоточены на Лире. Это и к лучшему, потому что если бы я думал о маме, то ничего бы хорошего не вышло. Поднимаюсь на свой этаж и звоню в дверь. Когда никто мне не открывает, просто толкаю ее и вхожу в квартиру.

У Леры угловая квартира-студия с большими окнами, выходящими на две стороны, светлая и просторная, с яркими пятнами диванных подушек, занавесок, абстрактных постеров на стенах. Спрятаться в такой сложно, но Леры нигде не видно, а значит, она в ванной.

— Лира? — зову я, подходя ближе. — Ты здесь?

Моя догадка оказывается правильной, потому что я слышу новый всхлип из ванной.

— Ты зря пришел, Лайтнер, — отвечает она.

— Почему?

Лира долго ничего не отвечает, но я терпеливо жду. Интуиция не просто подсказывает, она орет о том, что девушке сейчас нужна поддержка, и худшее, что я могу сделать — уйти.

— Почему ты сказала, что больше не сможешь участвовать в съемках? — спрашиваю я. Разговаривать через дверь неудобно, но как уж есть.

Теперь вместо ответа слышны шаги, и Лира выходит из ванной. Она в объемном ярко-желтом халате, а влажные волосы падают ей на лицо, почти его закрывая.

— Что случилось? — повторяю я и осекаюсь, потому что девушка отбрасывает волосы за спину и замирает. Я замираю тоже, потому что вижу распухший, превратившийся в сплошной

синяк нос. Но будто этого мало, по нежной коже расползлись волдыри от ожогов, будто кто-то плеснул Лире в лицо кипятком или кислоту. Это ужасно. В смысле, не ее внешность, а то, что с ней случилось, и я не замечаю, как мой голос упал до самой яростной глубины. — Кто это сделал?

— Твоя бывшая девушка. Она пришла ко мне и сказала, что я ей не помеха.

Я всматриваюсь в ожоги, поэтому смысл ее слов доходит до меня не сразу. Если честно, до меня вообще не доходит. Потому что это просто какая-то бессмыслица! Не сказать, что у меня было мало девушек, но на такое способна разве что одна.

— Ромина?

— Ромина?! — От замешательства Лира даже перестает плакать. — Ее так зовут? Красноволосую соседку по этажу!

Теперь у меня ощущение, что я стал участником какого-то телешоу, от предложений поучаствовать в которых отмахиваюсь с тех пор, как Хар внес за меня залог.

Потому что красноволосая соседка — Вирна Мэйс.

Мэйс, которая пришла к Лире и дала ей в нос.

— Она не моя бывшая. — Пожалуй, всё, что я могу сказать. Что тут вообще скажешь?

— Тогда почему она меня избила? Не просто избила, заразила чем-то. Я даже не представляю, что это такое! — Лира практически переходит на крик, но тут же закрывает ладонями лицо и начинает плакать навзрыд.

— Заразила?

— Да, — всхлипывает девушка. — Мое лицо... Оно все в сыпи! Я не смогу участвовать в рекламе, меня заставят выплачивать неустойку... Что, если оно вообще не пройдет? Вдруг я останусь такой навсегда?

Она говорит все тише и тише, последнюю фразу у меня едва получается расслышать. Сердце сжимается от боли в ее голосе, и я так же тихо прошу:

— Позволишь мне посмотреть?

Лира мотает головой.

— Я уродина.

— Нет, — говорю я. — Это просто синяк. Знаешь, сколько раз я получал по лицу на тренировках. Давно со счета сбился. Ладно, — я примирительно развожу руками, — это не имеет значения. Просто разреши мне взглянуть на твою сыпь.

Девушка замирает, и я добавляю:

— На первом курсе Кэйпдора мы проходили медицинскую помощь, к тому же, моя мать училась на медицинском факультете, и благодаря ей я в этом действительно разбираюсь.

Лира опускает ладони: так медленно, будто по антваллу в минуту, но все-таки опускает. Я протягиваю ей руку и киваю на диван.

Девушка колеблется мгновение, но потом цепляется за мои пальцы и позволяет себя усадить.

— Я посмотрю, а ты пока можешь рассказать, что произошло, — говорю, располагаясь рядом. — Если, конечно, хочешь.

— Нечего рассказывать. — От рыданий Лира почти осипла, но кажется, сейчас у нее получается справиться с чувствами. — Она пришла ко мне и сказала, что я ей не помеха. А потом просто ударила. Это была так больно. Невероятно больно.

— Не помеха в чем?

Лира пытается нахмуриться, но тут же морщится от боли.

— Это же очевидно, Лайт! Она говорила о ваших отношениях. Что я третья лишняя, а она по-прежнему считает тебя своим.

Ладно, я могу предположить, что Вирна избивала Лиру, но это? Поверить в это сложнее, чем в дружбу с раг'аэной, но учитывая, что с одной я лично знаком, поверить я могу во что угодно. Но Мэйс!

Мне даже сложно слова подобрать, не то что мысли собрать в кучу. А ведь я один из лучших учеников Кэйпдора!

Поэтому я предпочитаю собирать слова и мысли в кучу, заодно изучая сыпь Лиры.

— Это странно, — говорю я, стараясь не морщиться от вида синяка. Ей еще повезло, что нос вроде как цел. Если бы Лиру тронул какой-то парень, сломанным носом он бы не отделался. Но Мэйс!

Кажется, я начинаю повторяться.

— Что именно?

— То, что ты говоришь о Мэйс. Ты уверена, что это была она?

— У девчонки, что мы встретили с тобой, есть мерзкая сестра-близнец? Тогда это определено была она!

Да уж. Сложно представить, что Лиру избивает мелкая Тай или средняя Мирти... Марти... Митри!

— Мы с Мэйс не встречались, — повторяю я. — Хотя я был бы не против. Но она послала меня.

— Что?! — Лира даже отстраняется. — Как кто-то может тебе отказать?

— Вирна была первой, и, надеюсь, последней, — пытаюсь шутить, но кажется, моя новая подруга в шоке. — Поэтому странно, что она пришла к тебе из-за меня.

— Другой причины я не вижу, — злится Лира. — Моя бабушка называла таких личностей норушниками.

— Норушниками?

— Да. Известно, что эти грызуны забивают свою нору большим количеством запасов еды, чем им нужно. Вот и эта Вирна, очевидно, считает, что она тебя присвоила. Ты должен был вернуться к ней, но не вернулся. Она увидела нас с тобой и сделала то, что сделала.

Лира снова всхлипывает, и мне срочно нужно чем-то ее отвлечь. Хотя чем тут отвлечь?

Я сосредотачиваюсь на изучении сыпи и понимаю, что это действительно напоминает ожоги или...

— Это будто аллергия.

— У меня нет аллергии. Разве что что-то было в ее руках.

«Аллергия на вьерхов», — всплывают в моей памяти слова доктора Э'рера. А следом следы на запястье Кьяны.

«У меня тогда что? Аллергия на людей?»

Следы у Кьяны. Следы на теле Вирны. Следы, которые мне никогда не забыть, сколько бы не пытался.

«Она меня обожгла».

Сначала Кьяну, потом Лиру.

Специально? Что, если это и есть тайна Мэйс?

Вопрос, какая, до сих пор остается открытым.

Все, чего мне хочется — прямо сейчас отправиться к Вирне и припереть ее к стенке. Вытрясти из нее все секреты!

— Ты можешь мне помочь? — с надеждой спрашивает Лира, и именно это возвращает меня в реальность.

Я растираю ладони и сосредотачиваюсь на собственной силе, а потом мягким потоком начинаю вливать ее в кожу Лиры. Этому не учат на курсе медицинской помощи, это сложная

работа целителей и то, чему меня научила мама. Исправить сыпь или убрать синяк у меня вряд ли получится, но боль Лиры должна пройти.

— Я отвезу тебя в больницу. Я уже видел такое, доктора помогут это исправить.

Мы едем в больницу. Она ничем не напоминает кабинет Э'рера, но мне не по себе. Когда врач, долговязая вверху, говорит, что можно пойти долгим путем и заживать будет пару недель, или воспользоваться восстановительной капсулой, я предлагаю оплатить процедуру. Час в капсуле стоит столько, что на это уходят остатки моего гонорара, но я без колебаний перевожу деньги. Все-таки она моя напарница.

А еще она пострадала из-за меня.

Время процедуры пролетает быстро, я не успеваю дойти до третьей страницы вакансий, как Лира появляется в приемной. На ее лице ни следа от синяка, ожогов и даже слез.

— Спасибо, — говорит она, когда я отвожу ее домой и провожаю до двери. — Я бы не смогла позволить себе восстановление. Теперь я твоя должница.

— Ты пострадала по моей вине.

— Я пострадала по вине этой Вирны. Почему все люди такие злые?

Я вспоминаю малышку Тай и отвечаю:

— Не все.

— Большинство, — возражает Лира.

— Сейчас я уже ни в чем не уверен, но обещаю тебе во всем разобраться.

Прямо сейчас пойду и разберусь! Тем более что до двери Мэйс рукой подать. А если дома ее снова не окажется, то я знаю, где ее искать.

Я собираюсь уйти, но Лира перехватывает мою руку.

— Она ведь этого добивается. Чтобы ты за ней бегал, — она делает шаг и обнимает меня за шею. — Пожалуйста, Лайт, не уходи. Останься со мной сегодня ночью.

Лира прижимается ко мне так доверчиво, заглядывает в мое лицо с такой надеждой, что у меня просто язык не поворачивается отказать.

— Ты мне нравишься, Лайтнер, — признается она. — Я считала, что я тоже нравлюсь тебе.

И я думаю: «Какого едха? Вот девчонка, которой я по-настоящему нравлюсь!» Которую не волнует, что я вверху, или что мой отец правит Ландорхорном.

Я нужен ей.

Не дождавшись моего ответа, Лира опускает взгляд и отступает. Ее улыбка, ее надежда гаснет, а я чувствую пустоту, поглощающую меня. Плотица, которую я построил вокруг себя за эти несколько дней, прорывается: я сам ее разрушаю. Я устал волной биться о скалы.

На этот раз я шагаю вперед, обнимаю Лиру и целую в губы. Зарываюсь пальцами в ее густые волосы, наслаждаюсь мягкостью ее губ. Хочу наслаждаться, гоню прочь мысли о том, как обнимал и целовал совершенно другую девушку. Девушку, которую давно пора выбросить из головы и из сердца.

Но пока я этого не сделал, будет нечестно начинать отношения с Лирой.

— Я не хочу торопиться, — говорю, отстранившись. — Тем более что из-за меня ты пережила... — Я пытаюсь подобрать нужное слово, но оно не подбирается.

— Нападение, — подсказывает она.

— Вроде того. Лира, мне нужно разобраться со всем. Разобраться в себе, чтобы идти вперед. Дальше.

Она напрягается, а потом снова отступает, сцепив руки за спиной.

— Понимаю, — говорит Лира, но как-то горько. — Я все понимаю, Лайт. И не хочу быть заменой.

Едх!

— Ты не замена. Один человек не может заменить другого.

— Человек? — прищуривается Лира. — Хорошо бы, но верится с трудом. У меня уже были такие отношения, когда мой парень сох по другой девчонке. Больше такого не хочу. Это слишком больно.

Мне ли не знать, насколько это больно.

— Прости.

Лира пожимает плечами:

— Мы ничего друг другу не обещали.

— А что насчет бассейна?

Она сомневается, кусает губы. Потому что если и есть что-то важное для Лире, так это ее работа. Работа, которую нужно сделать идеально. И только я могу ей в этом помочь.

— Позволь мне все исправить, — прошу я.

Лира раздумывает всего минуту, а после все-таки кивает.

— Хорошо.

— Увидимся завтра в фитнес-клубе. В то же время.

Она соглашается, и мне в ее квартире больше делать нечего. В свою тоже не хочется возвращаться, как и идти сразу к Мэйс. Тем более что уже достаточно поздно. Если сегодня она работает, то наверняка сейчас в «Бабочке», а если не работает — то у своего парня.

Последняя мысль вызывает желание придушить того патлатого, но я это желание гашу. Это всего лишь привычка, не более, но придется разобраться с прошлым, чтобы через него переступить. Разгадать все секреты Мэйс и поставить точку.

Как это сделать?

Занимаю небольшой столик в кафе возле дома и заказываю льяри. Я просматриваю новые вакансии, отмечаю подходящие мне, остальные пропускаю. Пить льяри и искать работу — привычка последних дней.

Я собирался поесть после бассейна, пригласить сюда Лире, но после всех этих событий нет аппетита. Надо же было так облажаться! Сказать про разборки в себе. Но если бы я остался у Лире, то чувствовал бы себя распоследним едхом. Она точно не заслуживает того, чтобы ею просто попользовались.

Как отец пользуется мамой.

Из-за всей этой истории столкновения Вирны с Лирой я забыл про встречу с ней. Чем отец ее шантажирует? Ни за что не поверю, что мама отказалась от меня, что поверила в то, что я отказался от нее! А значит, есть что-то еще.

Так или иначе я должен найти способ встретиться с ней и поговорить. Проблема в том, что, кажется, вопрос «Как?» — становится моим девизом. По крайней мере, в последние дни.

В любом случае, начать стоит с Мэйс. Спросить, почему она ударила Лире? Уверен, есть что-то, чего я пока не понимаю, но обязательно докопаюсь до сути. Вопрос: как с ней встретиться, и где? Дежурить под дверью и веселить ее сестер? Отправиться на работу? В «Бабочке» можно поговорить разве что в ложе, которую я теперь не могу позволить. С клиентами вообще разговоры запрещены...

Я замираю, перечитываю последнюю вакансию и не верю своим глазам.

Должность: Помощник управляющего

Место работы: ВИП-клуб «Бабочка»

Глава 9. Игра по правилам

Вирна Мэйс

— Еще раз, нисса, что вы делали на берегу в это время? — политари, кажется, издевался.

— Я вам уже сто раз сказала, — повторила спокойно. — Приехала в свой старый дом, потом захотела немного пройтись, там, где никого нет. Мне было грустно.

— Настолько грустно, что вы решили нарушить закон?

Его лицо, рябое, широкое, как сковорода для хрустящих лепешек, было отталкивающим. Маленькие глазки напоминали выбоины, оставленные поваром металлическими лопатками.

— Я уже оплатила штраф, — напоминаю, глядя ему в глаза. — Вы не имеете права больше меня задерживать.

Выражение его лица меняется, брови сдвигаются к переносице.

— Ты в отделении политари, девка. Хочешь, чтобы мы передали дело в Подводное ведомство?

— Передавайте.

Я знаю, что ничего и никуда они не передадут. В моих вещах не обнаружили ничего подозрительного, на мне тоже — хотя и заставили раздеться догола и обыскали во всех местах. Буквально.

Сейчас, когда я оплатила штраф за административное нарушение (внушительную сумму, надо сказать, за которую мне еще предстоит разбираться с Дженной), задерживать меня они больше не имеют права. Не считая того, что этот политари хочет, чтобы я заплатила ему. Поэтому продолжает запугивать.

— Хорошо, — говорит он зловеще и тянется к тапету. Я продолжаю изучать потолок и мрачные стены, с которых вот-вот осыпется краска, затертый до черноты пол, под ножками стула — выемки. Неудивительно, что местные сотрудники зарабатывают как умеют.

Все это проходит сквозь мои мысли со странным спокойствием: то ли дело в том, что я уже пережила все, что может меня сломать, но оно не сломало. То ли в том, что меня гораздо больше занимают мои открытия, нежели чем происходящее сейчас.

Политари медлит еще какое-то время, а потом со злостью шарахает ладонью по столу:

— Пошла вон!

— И вам чудесного вечера, — сообщаю с милой улыбкой и поднимаюсь.

Лицо его перекашивает, но он больше ничего не может сделать. Только оттолкнуть меня в сторону, когда я иду к двери, окатив кислотовато-резким запахом, и первым вылететь в коридор. Я расписываюсь за получение вещей, мне отдают сумку со всем содержимым, и, когда я уже разворачиваюсь к выходу, взглядом натываюсь на входящего в распоротую трещиной на стекле дверь политари.

Того, который предлагал мне поиски Лэйс в обмен на...

Он смотрит на меня в упор и расплывается в мерзкой улыбке.

К горлу снова подкатывает тошнота, я перехватываю вещи и вылетаю из участка с такой скоростью, как если бы за мной гнался едх и вся его подводная армия.

Сколько еще времени должно пройти, чтобы я забыла «это»?!

Лайтнер был тем, с кем я почти забыла. До того, как наши прикосновения — прикосновения, которые я себе позволила — не стали тем, что нас убивает. Я думала, что справилась с этим, но нет, сейчас все смешивается воедино, и мне приходится привалиться к стене ближайшего здания, чтобы восстановить дыхание и справиться с головокружением, от которого начинает мутить.

Лайтнер научил меня не бояться прикосновений, но этот детский страх до сих пор во мне. Я спокойно выдержала допрос на предмет того, что я делала на побережье, но одно только воспоминание о случившемся выбивает почву у меня из-под ног.

Попытка заказать эйрлат ни к чему не приводит: если привезти меня привезли, то забирать с Пятнадцатого отказываются. Приходится ждать платформу и ехать на ней, потом пересаживаться на гусеницу. Все это напоминает о моей прошлой жизни как нельзя лучше, из размышлений о том, что я узнала на берегу, выбрасывает на раз. Потом я на бегу общаюсь с Митри, которая мрачнее тучи, потому что «Рикард Дроган сидел за столиком с девчонкой», узнаю, сделала ли уроки Тай.

У сестер все в порядке, им скоро ложиться спать, а мне надо лететь в «Бабочку».

В эйрлате я и вспоминаю о том, о чем думала на берегу. О Кэйпдоре и его тайнах, о том, способно ли навредить вверху подводное море. И о том, что это все вообще значит.

Я должна в этом разобраться.

— Привет, подруга, — Тим собирает рыжую копну в узел, чтобы сесть в кресло к визажисту. — Слышала новости?

— «Бабочку» закрывают из-за подпольного бизнеса?

Кто-то из девчонок прыскает, Тимри закатывает глаза.

— Ха-ха, очень смешно. Не считая того, что это не в наших с тобой интересах: где мы еще заработаем столько, сколько здесь? Но вообще-то новость не в этом, а в том, что у нас теперь новый управляющий.

Девчонки хихикают.

— Симпатичный, — говорит одна, и визажист шлепает ее кисточкой по плечу, чтобы не вертелась. — Я его видела. А еще он...

Меня это совершенно не беспокоит, а вот Тимри, очевидно, да, потому что она вскидывает руку, и Кит, собиравшаяся что-то сказать, замолкает.

— Точнее, управляющий тот же, но этот вроде как будет заведовать нами. Угадай, как его зовут?

Я не имею ни малейшего желания играть в угадайку, поэтому пожимаю плечами.

— Ну-у, скучная ты, — фыркает Тимри. — Нашего нового управляющего... внимание... зовут Лайтнер К'ярд!

Вы издеваетесь?!

Хорошо, что я не спросила этого вслух, и к счастью, Тимри явно была настроена поговорить без лишних вопросов.

— Так вот, сегодня он приходил на собеседование, он и еще несколько парней перед ним, но взяли, разумеется, его. Нет, ты представляешь?! Сын Дигтхарда К'ярда будет работать в «Бабочке»! Будет работать с нами!

Представляю. Это задница.

Лично для меня.

— У него идиотский характер.

— Ты его знаешь?!

Надо приучить себя держать язык за зубами.

— Могу себе представить, потому что он сын Дигтхарда К'ярда.

— Брось, это просто стереотипы!

— Угу.

К нам прислушиваются, поэтому я предпочитаю замолчать.

— Я вообще не понимаю, когда людей судят, будучи с ними даже не знакомой!

— Он вверху.

— А, так в этом все дело? У нас владелец клуба тоже вверху! И что?

И все. Владелец вашего клуба — вверху-заговорщик, но это к делу не относится.

— Нет. Ничего.

— Умеешь же ты разрядить обстановку, Вирна. — Тимри складывает руки на груди. — Вообще-то, он еще и красавчик! Ты его видела?!

Я закатываю глаза.

— Он не просто красавчик, — подхватывает еще одна девушка, Дия, — он просто секси! Выпустите меня отсюда.

Просто выпустите меня!

— Пойду скину сумку в раздевалку, — сообщаю я. — И умоюсь. Все равно очередь на визаж.

Тимри кривится и показывает мне язык, а я забираю сумки и направляюсь в сторону раздевалок. Хотя на самом деле мне впервые в жизни хочется закурить — к Дженне что ли завернуть, за сигаретами? Может, именно так и начинают курить, когда самым нелепейшим образом рядом с тобой постоянно крутятся всякие... Лайтнеры К'ярды!

Я выдыхаю, выразительно хлопаю дверью раздевалки и складываю туда вещи. Вешаю куртку, достаю костюм. Что ни говори, а костюмы официанток в «Бабочке» просто огонь. Даже если не вспоминать тот, юбилейный, эти напоминают коктейльные платья, украшенные передничками. Если убрать передничек, девушек будет легко спутать с гостями.

Прокручиваю в голове эти философские мысли, пытаюсь не думать о том, что К'ярд вообще здесь забыл?! Работать ему в принципе не надо, поэтому единственный вариант, который приходит в голову — он здесь, чтобы доставать меня. Правда, это тоже совершенно не в тему, учитывая, что у него теперь есть девушка.

С кривым носом.

Злая я, и ничего не могу с этим поделать.

Возвращаюсь в примерную, где уже вовсю обсуждают, как им будет работать с сыном Дигтхарда К'ярда. У девочек чуть ли сердечки в глазах не прыгают, и я спасаюсь единственным возможным способом — погружаюсь в размышления о Кэйпдоре и силе вьерха.

Пока мне делают макияж с элементами арта, вспоминаю все, что мне известно о вьерхах. Лайтнер смог использовать силу на побережье, но это его «выпило», и он почти полностью лишился силы. Не думаю, что вьерхи стали бы размещать под Кэйпдором то, что раз за разом вытягивает силу из их наследников. Но как тогда объяснить мой всплеск, если моя сила отзывается только на живую воду?

— Вирна, не грызи губы! — Селеза, наш визажист, повышает голос.

— Ты их еще не красила!

— И не крашу, потому что если у тебя получится перекошенное лицо, и мне придется переделывать весь макияж, я тебя оставлю делать его самостоятельно. Пропустишь полсмены — будешь знать!

Девочки во главе с Тимри (тех, кого уже отпустили после макияжа) сбились в стайку возле диванчика для отдыха и хихикают. То и дело доносится:

«Он такой... хи-хи».

«Он сякой... хи-хи».

«А вы видели его бицепсы...»

«Нет! Я вообще хочу на него посмотреть».

Остальные, кто, как и я, сидит на стульчиках для макияжа, перед зеркалами, пытаются вытягивать шеи и уши под шиканье визажистов. Впрочем, не скажу, что визажистам не интересно, и только мне хочется, чтобы это оказалась просто дурная шутка. Потому что видеть К'ярда каждый день — выше моих сил.

С другой стороны, если не обращать на него внимание, может быть, он просто уйдет?

— О-о-о-о-о... — доносится сдавленный вздох с диванчика, и я понимаю, что внимание ему обеспечено.

Не мое.

Но точно обеспечено.

Как раз в тот момент, когда мне и еще трем девочкам заканчивают макияж (до выхода остается полчаса), к нам забегает секретарь Дженны.

— Девочки, наш новый помощник управляющего хочет с вами познакомиться, — сообщает она.

Меня не сдувает только каким-то чудом, потому что все желающие познакомиться устремляются к двери. С одной стороны, у меня есть сильное желание остаться и никуда не ходить, с другой — это может породить много вопросов, поэтому идти придется. Я поднимаюсь и направляюсь за Дией, которая последней выбежала из кабинета.

«Новый помощник управляющего» ждет нас в общей комнате, где с нами (то есть с официантками) проводят всяческие коллективные беседы. Поскольку желающих на беседу много, в двери возникает небольшая пробка, а я стою в ее хвосте и думаю, как легко, обладая всего лишь одним именем, заранее создать себе образ. Ну и еще о том, как можно так быстро бегать на каблуках, как это делают девушки, желающие познакомиться с Лайтнером К'ярдом.

Впрочем, когда я захожу в небольшой зал, все мысли вылетают у меня из головы. А если что-то недовылетело, вылетает в тот момент, когда наши взгляды встречаются.

Он смотрит на меня так, будто хочет убить и скормить раг'эне. Этот взгляд — злой, в упор, я очень хорошо знаю. Равно как знаю эти хищно раскрывшиеся крылья носа. В эту минуту я вспоминаю другой нос, и, кажется, понимаю, в чем дело: Лайтнер К'ярд злится, потому что я побила его девушку.

Ну упс.

Я складываю руки на груди и спокойно встречаю его взгляд, хотя вру. Спокойно — это не про меня. Взглядом даю ему понять, что шел бы он в океан вместе со своей Лирой, а заодно и новую должность туда прихватил.

Наши взгляды медленно размыкаются — с той же аккуратностью, с которой нужно размыкать электрическую цепь, чтобы не произошло короткого замыкания. Ему и без меня есть куда смотреть: девушки застыли, готовые внимать каждому слову своего кумира. Кумир, к слову сказать, приоделся. Нет, Лайтнер всегда выглядел стильно — что в форме студента Кэйдора, что в джинсах, но сегодня он в стильном костюме и не менее стильной рубашке, а когда улыбается, комната прогревается настолько, что кажется, сейчас дым повалит.

— Добрый вечер, девушки, — сообщает он со свойственной ему небрежностью и в то же время так, что девушки уже готовы за него убивать. — Рад нашему знакомству, а особенно тому, что вместе мы выведем сервис «Бабочки» на качественно иной уровень.

Я хмыкаю, и на меня оборачиваются чуть ли не все разом.

— Вам есть что сказать? — Он делает вид, что прищуривается, чтобы рассмотреть мой бэдж. — Вирна Мэйс.

Тон у него в точности такой, каким он разговаривал со мной в самом начале нашего знакомства, в Кэйдоре.

Поэтому я мило улыбаюсь:

— Нет.

— В таком случае буду обязан, если все посторонние звуки вы будете издавать в другом, специально отведенном для этого месте.

По комнате проносится волна смеха, но тут же стихает, стоит ему продолжить:

— Уверен, что каждая из вас делает для этого все возможное уже сейчас, и я горжусь тем, что буду работать с такими красотками.

Который раз я сегодня закатываю глаза? Уверена, если бы считала, получилась бы приличная цифра, но почему-то все остальные девчонки на это ведутся. На этого самоуверенного смазливового... засранца!

— Прежде всего, хочу сказать, что этот клуб не только для гостей, но и для вас. От того, насколько комфортно вы себя чувствуете на рабочем месте, во многом зависит и ваша работа, и ваш оклад. Поэтому я хочу, чтобы вы чувствовали себя комфортно во всем. Вы можете обращаться ко мне по любому вопросу в любое время.

Если бы восхищение было можно измерять, столбик сейчас выбило бы к едховой бабушке, а нас всех окатило горячим измерительным раствором. Особенно на заключительной части его пламенной речи:

— Был рад познакомиться с вами лично. Крутого вечера и легкой работы.

Поскольку я вошла последней, соответственно, и стояла у самой двери. Именно поэтому меня почти вынесло толпой восторженных «бабочек», когда я услышала:

— Вирна Мэйс. Задержитесь.

Он дождался, пока все выйдут, и только после этого шагнул к двери, чтобы запечатать электронный замок.

— Ого, — сказала я. — Нам предстоит серьезный разговор?

— Будешь продолжать в том же духе — уволю.

Я приподняла брови:

— Ну попробуй. Между прочим, то, что мы сейчас заперты наедине, говорит не в твою пользу.

— Заткнись, Мэйс. Просто заткнись. Какого едха ты избила Лиру?

О, так я была права. Его просто не по-детски штормит.

Я, разумеется, приложила эту самую Лиру хорошо, но «избила» после одного четкого удара в нос — это совершенно точно перебор!

— Нечего было хватать меня за руки.

В его глазах полыхает сила вьерха.

— Ты совсем рехнулась? Нельзя бить людей просто потому, что они тебе не нравятся!

— Вьерхов, — поправляю я.

— Что?

— Вьерхов. Вьерхов — можно. Они не такие беззащитные, какими могут показаться на первый взгляд.

Губы Лайтнера складываются в жесткую линию и делают его очень похожим на отца. Тот разговор с Диггхардом К'ярдом я помню очень хорошо. Помню, как он на меня смотрел. Но еще я отлично помню, как целовала эти самые губы — когда Лайтнер склонялся надо мной, и, прежде чем меня успевает затянуть в этот поцелуй, вовремя вспоминаю, в чем дело. Почему я не могу быть рядом с ним, и Лира тут ни при чем.

Злость растворяется, словно ее и не было.

Я не хочу становиться ему врагом. Я вообще не хочу иметь с ним ничего общего, но сейчас как идиотка стою и пялюсь на его губы, хотя должна уже выйти за дверь.

— Хочу, чтобы ты поняла, Мэйс. Я не позволю тебе портить жизнь девушке, которая ни в чем не виновата.

Что я там говорила про злость? Это я совершенно точно не контролирую.

— Когда я в следующий раз ее увижу, просто спихну с лестницы.

Лайтнер прищуривается.

— Хочешь ты этого или нет, но теперь мы будем играть по моим правилам. Пока я работаю здесь — а я здесь надолго, ты будешь делать то, что скажу я. Облажаешься — вылетишь из клуба. И знаешь, почему? Потому что я — все еще Лайтнер К'ярд, а ты — все еще никто. Девочка с Пятнадцатого, которой просто удалось раздобыть немного денег.

От пощечины его спасает стук в дверь и мое промедление. Когда я подаюсь к нему и шепчу:

— Много денег, Лайтнер. Очень много. Твоя Лира уже сказала тебе, откуда они? — меня трясет от злости.

Я вылетаю в коридор, распечатав панель замка, и только в этот момент понимаю, что сказала.

Лайтнер думает, что я живу на деньги его отца. Лире я сказала, что мне их дает любовник. По-моему, это полный и безоговорочный хидрец.

Глава 10. Ночная смена

Лайтнер К'ярд

— Наводишь порядки, Лайтнер? — интересуется Дженна, когда я выхожу в общий зал. Туда, куда меня приводит миниатюрная брюнетка, прервавшая наш разговор с Мэйс и заявившая, что я срочно понадобился ниссе Карринг.

За парочку коридоров мне удастся успокоиться, унять силу, которая вихрями сосредотачивается в ладонях, и не сверкать раскалившейся докрасна радужкой — последнюю я заметил, проходя мимо зеркал, которых в клубе огромное множество. Сейчас я уже спокоен. Настолько спокоен, чтобы ответить Дженне с привычной для меня небрежностью:

— Для этого вы меня и наняли.

— Для этого, — соглашается она. Управляющая «Бабочкой» наблюдает за приготовлениями клуба к открытию. — И потому что увидела в тебе потенциал.

Ну да. А еще потому что моя фамилия К'ярд.

Оказалось, что для должности управляющего ночным клубом это несомненное достоинство. Плюс в карму ниссе Каринг за то, что не испугалась возможного гнева моего отца. Но, как я понял, она не из пугливых. Я вообще совсем иначе представлял начальницу Вирны. Яркая привлекательная брюнетка не была похожа на эмру, океанскую хищницу с острыми, как бритвы, и в множество рядов зубами, которая прогрызла себе путь наверх по карьерной лестнице и добилась высокого статуса управляющей «Бабочкой». Я вот въерх, но у нее в подчинении.

Когда я увидел должность в списке новых вакансий, то сначала не поверил глазам, а в следующее мгновение уже набирал нужный номер. Секретарь сказала, что я могу подъехать через час или следующим вечером, но тут же намекнула, что завтра, возможно, ловить здесь мне будет нечего. Конечно, я согласился, и через час уже проходил собеседование.

Наверное, все решилось, когда Дженна услышала мою фамилию. Но для приличия она спросила про опыт работы и про умение общаться с клиентами. Я ответил, что помогал устраивать вечеринки и званые обеды в отцовской резиденции, и знаю, что нужно въерхам, которые приходят в «Бабочку». В конце концов, я сам въерх.

— Должность твоя, если выйдешь сегодня ночью, — сказала она.

— Во сколько нужно быть на месте? — поинтересовался я.

Хорошо, что у меня был нормальный костюм для работы, потому что другой я смогу приобрести только после выплаты основной части гонорара в Эрре. А еще повезло, что в «Бабочке» у меня в основном ночной график, который ничуть не помешает съемкам рекламного ролика.

Идеальная работа.

Это не считая того, что я буду как можно ближе к Мэйс. Как можно ближе к ее секретам.

Интересно, что она имела в виду, когда говорила, что Лира рассказала мне про то, откуда у нее деньги? То, что не от отца, я уже понял. Синеглазка вообще путается в показаниях и врет, как дышит.

— В «Бабочке» хороший коллектив, который я собирала не один год, — возвращает меня в реальность основного зала голос Дженны. — Так что если не сможешь разобраться сам, зови меня.

— Вирна Мэйс тоже давно здесь работает?

Дженна хищно прищуривается.

— Достаточно давно, чтобы влиться в нашу дружную компанию. Я в курсе, что вы знакомы. Я в курсе всего, что происходит в клубе. Если ты здесь, чтобы мешать ее работе, то мне такой вариант не подходит.

— Нет, — отрезаю жестко. — Я здесь исключительно ради себя, и для того, чтобы делать свою работу.

Дженна расслабляется, превращаясь из хищницы в загадочную управляющую:

— Хорошо. Мы друг друга поняли. Но не забывай, что ты на испытательном сроке.

Не знаю, верит она мне или нет, но больше не задает вопросов. Это и к лучшему, потому что эта работа мне нужна. Не только из-за Мэйс и ее тайн, а и из-за того, что здесь хорошо платят. К тому же, мне очень нравится моя должность. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы в «Бабочке» всё работало и все работали, и решать проблемы, которые могут создать клиенты клуба. Хотя Дженна называет это «сгладить возникшее недоразумение». Вроде тех, когда синеглазые официантки опрокидывают подносы с закусками на уважаемых вьерхов.

Вот собирался больше не думать о Мэйс, а все равно думаю!

Как не думать, если ее красная шевелюра, как факел, мелькает в зале то тут, то там? Особенно сейчас, когда верхний свет еще не приглушили. Официантки расставляют живые цветы, зажигают свечи на столах, поправляют скатерти. Каждая из девушек как картинка, но вижу я именно Вирну.

Вернее будет сказать, настолько заикнулся на ней, что даже не сразу заметил, как ко мне подошла другая официантка. Тоже рыженькая, но явно проигрывающая рядом с мэйсовской яркостью.

— Ньестр К'ярд, принести вам чего-нибудь? Воды? «Лавы»?

От последнего предложения я едва не давлюсь воздухом. Только не «Лаву»! У меня теперь даже любимый напиток ассоциируется с Мэйс.

— Благодарю, Тимрана, — читаю имя девушки на ее бейдже, — может, позже. Не хочу ничего упустить.

— Пока можно немного расслабиться, все самое интересное начинается через пару часов после открытия, когда зал забивается до отказа.

— Благодарю, что предупредила, — я улыбаюсь, чтобы смягчить отказ, и немного для того, чтобы после сегодняшней беседы Мэйс мое имя не связывали с ее. Мне действительно нравится моя новая работа, по сути, она лучшее, что я мог бы найти с учетом объявленной мне отцом холодной войны.

— Но мне все равно пока ничего не нужно.

Девушка просто светится в ответ и возвращается к своим делам, а я снова взглядом нахожу Вирну. Она как раз о чем-то разговаривает с Дженной.

Что их связывает? Карринг сказала, что у нее сплоченный коллектив, что она встанет скалой за каждую из этих девочек. Но так ли это? Или Вирна Мэйс все-таки занимает особое положение? Это мне еще предстоит узнать.

Вечер в «Бабочке» начинается, и, несмотря на заверения Тимраны, расслабиться мне не удастся. С самых первых минут выясняется, что паре вьерхов неправильно забронировали столик, и они не хотят сидеть возле сцены. Приходится их пересаживать, и все это при условии стопроцентной загруженности! Конечно, этим занимается хостес, но мне нужно обязательно присутствовать и убеждать гостей, что всё прекрасно. Потом выясняется, что доставили не весь заказ продуктов для кухни, то есть не привезли свежую партию крабов-тубру — любимого деликатеса завсегдатаев «Бабочки». Приходится разбираться, в чем дело, и придумывать, какой новинкой заменить крабов. Про новинку подсказывает Дженна, потому что я сам будто краб бегаю между кухней и залом. Но это все оказывается ерундой по сравнению с тем, что я совершенно не учел собственной популярности и узнаваемости.

На меня пялятся практически каждый гость: и вьерхи, и сопровождающие их люди. Кто-то дырявит спину взглядом, кто-то рассматривает прямо, забывая о приличиях, а с кем-то мы даже оказываемся знакомы.

— К'ярд? Что ты здесь делаешь?

Меньше всего на свете мне хочется увидеть здесь кого-нибудь из Кэйпдора. И еще меньше мне хочется видеть Чарнса М'рола, того самого едха, с которым я подрался.

— Работаю.

— Работаешь? — Чар вообще плохо соображающий индивид, как только в Кэйпдор поступил, поэтому он растерянно моргает, прежде чем расхохотаться. — Значит, слухи не лгут. Папаша от тебя отказался.

Ну и что тут смешного, распоследняя ты маруна на планете? Ты без своей семьи и дня не протянешь. Но это не то, что стоит говорить клиенту в первый рабочий день на испытательном сроке.

— Скажем так, я решил пойти своим путем. Другой вопрос: что тебя сюда привело? «Бабочка» вряд ли входит в список тех заведений, которые ты с друзьями обычно посещаешь.

Чар действительно туго соображает, поэтому опять подвисает, пытаясь найти в моих словах подвох. А вот девушка, виснувшая на его локте, интересуется:

— Считаешь, что нам здесь не место?

— Отнюдь, — растягиваю губы в дежурной улыбке. — Надеюсь, что вам здесь понравится.

— Мой старик часто бывает в «Бабочке», и подарил мне на день рождения членство в клубе, — объясняет Чар, — Теперь будем часто с тобой видеться. Принеси нам бутылку орхейского вина.

А вот это даже веселит!

— Я помощник управляющего, а не официантка, Чар. Сделать заказ сможешь за столиком.

— У нас ложа, — хмыкает его подружка.

Точно. Малая ложа для четверых. За Чарнсом и его девушкой маячат еще двое его друзей.

— Тогда приятного вечера! Вас проводят, — фраза тоже дежурная, как и кивок хостес, тут же взявшейся за гостей. Хотя, если честно, по-моему, сегодня именно я выполняю ее обязанности. Разве что не рассаживаю клиентов.

После встречи с кэйпдорцами настроение портится. Уверен, что Вирне в тот вечер тоже не понравилось, когда мы с Кьяной и Харом заглянули в «Бабочку», теперь я это понимаю. Вот она себя и вела, как вела. Кстати, нужно ее предупредить, что здесь Чарнс, и чтобы к нему не приближалась!

Но где она?

Я осматриваю зал, несмотря на то, что свет приглушили, чтобы было хорошо видно происходящее на сцене, официанток сразу видно за счет мерцающих голубоватым цветом передников. Но Вирны нигде нет: ни у бара, ни у столиков, на кухне тоже. Это значит только одно — она обслуживает ложи.

Остается ее дожидаться, я возвращаюсь ко входу и выполняю свои обязанности, но периодически поглядываю на зал. Но так и не успеваю ее перехватить. Она как бабочка порхает слишком быстро, а гостей, как и обещала Тимрана, становится все больше.

Вызов охраны писком раздается в моем наушнике.

— Проблемы в ложе. Конфликт между гостем и официанткой. Требуется ваше присутствие.

— Номер ложи?

— Третья.

Ложа с Чаром. Ну конечно!

— Буду через минуту.

Кажется, я поднимаюсь даже быстрее, по пути размышляя: это нормальная смена управляющего, или это мне так повезло? А на входе в ложу замираю. Потому что первой замечаю Вирну Мэйс.

Это не девушка, а просто магнит для неприятностей!

Я поворачиваюсь к застывшему возле двери секьюрити:

— Пригласите медика. И мне нужна видеозапись инцидента в ложе.

Не смотреть на Вирну сложно уже физически, как и сдерживать себя от желания вытолкать ее из ложи и поинтересоваться, какого едха здесь произошло.

Нельзя. Сначала нужно разобраться с Чарнсом и его друзьями.

— Мы просто отдохали, К'ярд, — говорит Чар. — Расслаблялись. Пили вино, ели, смотрели выступление, и тут такое.

Такое — это, очевидно, нападение Вирны.

Удержаться от скепсиса, пожалуй, сложнее, чем от желания поговорить с Мэйс прямо сейчас. К моему облегчению, охранник наконец-то подает мне тапет с записью с камер ложи, и я открываю файл, проматываю практически до финала.

Звук по правилам нахождения в ложе, естественно, нет, но он особо и не нужен. Мой взгляд подмечает мелкие детали, вроде зашкаливающего веселья компании, когда Вирна появляется в кадре. Девушка Чара «случайно» толкает бокал, Мэйс успевает его подхватить, но вино выплескивается на ее платье. Теперь я замечаю, что на переднике Вирны пятна.

Я стараюсь поймать ее взгляд, но она смотрит исключительно перед собой. Потому что знает, что у нее прав меньше, чем у любого гостя в клубе.

Даже после этого Мэйс на видео остается спокойной, невозмутимой, и продолжает свою работу. Ровно до того момента, когда дружок Чара перехватывает ее и буквально роняет ее себе на колени, тут же запускает руку под юбку.

От разбитого носа этого едха спасает только то, что я на работе, и он вроде как мой клиент. Пока что. Тем приятнее это исправить!

— Очевидно, не просто расслаблялись и пили вино, — говорю я и сам удивляюсь собственной вежливости в отношении этого придурка. На видео он орет и спихивает Вирну с колен, и злорадство во мне схлестывается с яростью. — Вы ознакомились с правилами клуба?

— А то, — кивает Чарнс. — Что не так с этими правилами?

— С правилами все в порядке. Вы нарушили одно из них. — Я вывожу на экран полный список правил «Бабочки». — Пункт три один. Гости не имеют права прикасаться к официанткам не при каких обстоятельствах. Это правило касается как членов клуба, так и их приглашенных спутников.

— Какого едха?! — восклицает приятель Чара. — Какая разница, кто к кому прикоснулся? Она меня обожгла! Ты что, не видишь?!

Краем глаза замечаю, как Вирна напрягается, она вся будто струна.

— Как? — интересуюсь я.

— Что — как?!

— Как она могла вас обжечь? Наши официантки обычные люди.

— Тогда что это? — Он снова намеревается поднести к моему лицу пострадавшие конечности, но я ловко ухожу в сторону.

— Пищевая аллергия? — предполагаю. — Я не доктор, поэтому советую обратиться к специалисту.

— Это случилось из-за девчонки, — уже не так уверенно повторяет парень. — Она вообще первая начала.

— Видео подтверждает, что нет. К сожалению, я вынужден аннулировать ваше членство в клубе.

— Ха! — Это уже Чарнс. — Ты защищаешь свою подстилку!

Мэйс, кажется, выпрямляется еще больше, тем приятнее сказать:

— Поздравляю. Теперь вы нарушили правило один восемь — оскорбление сотрудников клуба. Прошу, извинитесь, и охрана проводит вас к выходу.

Заодно внесет в черный список.

— Я не стану извиняться. Я вообще пожалуюсь владельцу. Сделаю так, чтобы тебя выперли отсюда! И ее заодно.

Очевидно, он собирается продолжить в том же духе, но к охраннику присоединяются еще двое, и они просят гостей пройти на выход.

Когда Чар и компания скрываются за дверью вместе с охраной, мы с Мэйс выдыхаем одновременно.

— Почему он решил, что тебя могут уволить? — интересуется она.

— Меня не могут уволить, — усмехаюсь я, — как и тебя, так?

Она ничего не отвечает, только смотрит на меня пристально-пристально, будто ждет вопросов. Но я не собираюсь ничего спрашивать, по крайней мере, делать это в клубе, где Дженна «в курсе всего, что происходит».

— Сможешь вернуться к работе прямо сейчас или тебе нужен перерыв?

— Что? — Мэйс растерянно моргает.

— После таких инцидентов сотруднику нужно время, чтобы настроиться на дальнейшую работу. Слова ниссы Карринг. — Я это сам только что придумал, Дженна ни о чем таком меня не предупреждала. Она, конечно, говорила, что могут возникнуть разные трудности, и что клиенты бываю разные, но не в первую же рабочую ночь.

— Нет, — качает головой Вирна. — Я готова вернуться к работе.

— Отлично. У тебя есть сменное платье? Переоденься и можешь обслуживать свои столики. Оплата за ложу тоже будет перечислена на твой счет, в качестве компенсации.

Она взглядом спрашивает: «И это все?» А я спешу ее разочаровать:

— Вперед! Если не вернешься в зал в течение двадцати минут, о компенсации можешь забыть.

Мэйс зло сверкает глазами и убегает. Ничего, далеко от меня не убежишь!

Остаток смены проходит относительно спокойно. Мы с Мэйс больше не пересекаемся, никто из гостей не лапает официанток, ни у кого больше не возникает ожогов. Я бы сказал, что все проходит быстро и как в тумане. Единственным запоминающимся моментом остается разве что разговор с Дженной, которая хвалит меня за выдержку, но при этом настоятельно рекомендует:

— В следующий раз постарайся не терять нового клиента.

— Я считал, что «Бабочке» нужны только благонадежные клиенты.

— Тем не менее именно они позволяют существовать нашему клубу.

В общем, это предупреждение. Но мне почему-то кажется, что оно так же связано с Вирной.

Не приближаться к ней.

Хорошо. Только разберусь во всем, с ее секретами и со своей дурацкой привязанностью, а потом никогда больше к ней не приближусь.

Поэтому предупреждения Дженны я игнорирую и после конца смены жду Мэйс на парковке. У управляющего есть свои преимущества — он может уйти пораньше. Особенно если он помощник и вообще стажер. Конечно, можно подловить ее возле дома, но я не уверен, что Вирна отправится к сестрам, а не поедет к своему Вартасу.

Жду и думаю, что буду делать, если она выйдет не одна, а в сопровождении одной из подружек-официанток, которые сегодня решили мне не давать прохода. После Тимраны другие девушки тоже предлагали мне то принести воды, то закуски, то еще что-нибудь.

К счастью, Мэйс выходит одной из последних и в одиночестве. К моей огромной радости, потому что из-за усталости мои нервы и так на пределе. Веселиться всю ночь и работать всю ночь — совершенно разные вещи.

Я выхожу из эйрлата, когда Вирна подходит ближе.

— Мэйс.

— К'ярд? — Ее глаза расширяются, а она замедляется. Но только для того, чтобы тут же опомниться и ускорить шаг. И мне приходится пойти следом.

— Ты же не рассчитывала, что я оставлю все просто так?

— О чем ты?

— Об ожогах приятеля Чарнса. А еще об ожогах Лиры.

— Не понимаю о чем ты? — хмыкает она. — Твоей девушке я просто дала в нос.

— Тогда как объяснишь это?

Я хватаю ее за руку, и ощущение такое, будто я сунул пятерню в жерло вулкана. Поэтому и отдергиваю ее быстро. Вирна вскрикивает и трясет ладонью, на ее коже растекается красное пятно-близнец моего ожога.

Что и требовалось доказать.

— Садись, — говорю, кивая на свой эйрлат. — Поговорим.

Глава 11. Откровенность или вроде того

Вирна Мэйс

Он действительно рехнулся, если думает, что я сяду с ним в его едхов эйрлат. Дело не в том, что у меня от него ожог на ладони, а в том, что у меня от него ожоги по всему сердцу. Даже когда он просто рядом, и Дженна определенно рехнулась, когда решила взять его на работу.

На работу.

У меня что-то шелкает в голове, и все начинает складываться в очень нехорошую картину. Сначала они с Н'эргесом интересовались, какие нас с Лайтнером связывают отношения. Потом через меня хотели подобраться к Дигтхарду К'ярду (последнее бред чистой воды, потому что К'ярд-старший не подпустил бы меня к себе даже на пару валлов). Теперь эта работа.

Я так увлеклась своими чувствами, что напрочь забыла об остальном. Впрочем, ничего нового: рядом с К'ярдом у меня всегда вырубается мозг.

— Ты должен уволиться, — говорю я.

Он приподнимает брови:

— Это не совсем ответ на мой вопрос.

— Ладно, пойдем в твой эйрлат, — я киваю.

Хотя знаю, что это не самая лучшая идея. Какая будет лучшая, я даже не представляю, по моему, лучше всего было бы просто сбежать, но я сомневаюсь, что Лайтнер бежит медленнее меня.

Не считая того, что это просто глупо.

Это совсем другой эйрлат, не тот, что был у него раньше. Он гораздо проще, как снаружи, так и внутри, и это заставляет задаваться вопросами. Зачем ему на самом деле работа? Зачем Лайтнеру К'ярду работать? Мысли путаются, поскольку в салоне его эйрлата по-прежнему его запах — тот самый аромат, ударивший в меня с силой океанской волны, когда мы впервые увиделись в Кэйпдоре.

— Итак?

— Я не знаю, что это такое, — говорю я. — Твой доктор тоже не знает, поэтому если ты хотел вывести формулу идеальной несочетаемости в'єрхов и Вирны Мэйс, вынуждена тебя разочаровать: за этим не ко мне.

Рассматривать приборную панель гораздо интереснее, чем его, потому что на него я смотреть вообще не могу. Насмотрелась сегодня за смену — пока бегала между столиками, как только еще себе нос не разбила.

— Доктор не мой, — отвечает он, и я по интонациям чувствую, что хмурится. Вот это вот «чувствую» совершенно невыносимо, потому что мы давно не разговаривали нормально. Хотя если быть до конца с собой честной, мы никогда нормально не разговаривали, даже в дни так называемого «перемирия». Ну или как еще назвать то, что было между нами. — Значит, он тебе ничего не сказал?

— Кто?

— Доктор Э'рер.

— Нет. Он собирался провести какие-то исследования и даже дал мне свою карточку, но я к нему не пошла.

Может, если дать ему часть правды, он от меня отстанет. По крайней мере, на время.

— Почему? — спрашивает Лайтнер.

— Потому что с некоторых пор я снова не доверяю в'єрхам.

Получается как упрек, и... ладно, в общем-то это и есть упрек. Я не хочу думать о том, что было бы, если бы я тогда проснулась у доктора, а Лайтнер был рядом. Потому что этого уже не будет.

Судя по тому, что он молчит, и молчит долго, наш разговор пора сворачивать.

— Тебе нужно к нему сходить. Потому что это совершенно точно ненормально. Потому что это началось после той ночи.

Или нет?

Я все-таки поворачиваюсь к нему и вижу, что он на меня тоже не смотрит. То есть развернут ко мне, но взгляд где-то над моим плечом, как если бы с той стороны тоже кто-то подошел к эйрлату и был гораздо интереснее меня. Или была. Меня так и подмывает обернуться и посмотреть, не стоит ли там Лира, но в этот момент К'ярд снова смотрит мне в глаза.

Оказывается, видеть его, стоя за спиной девчонок, в той комнате, или в общем зале, или даже в ВИП-ложе — совсем не то, что видеть вот так, меньше чем в валле от себя. Несмотря на достаточно холодную ночь и на то, что он забыл включить обогрев в эйрлате, меня этим взглядом ударяет, как раскаленной лавой.

Я не хотела этого разговора, но не хотеть, оказывается, надо было молчания, потому что именно оно меня связывает по рукам и ногам. Я физически чувствую, что мне становится мало места на этом сиденье, как будто присутствие Лайтнера просто повсюду. Как будто он во мне настолько, что даже если нам оказаться на разных концах Ландорхорна, это не изменится. Ни на миг.

Вот теперь бред у меня. Потому что я прекрасно помню, чем это «ни на миг» закончилось последний раз, и усилием воли выталкиваю себя в реальность.

В реальности — его последние слова, и, кажется, я только сейчас начинаю понимать, о чем он говорит.

— Погоди, ты решил, что это из-за тебя?

— А из-за кого еще? — хмуро интересуется он. — До той ночи ничего такого с тобой не случилось, насколько я помню. Плюс моя сила... она была нестабильна, и она что-то с тобой сделала.

— О. Ого.

Я не знаю, смеяться мне или вздохнуть с облегчением — он сам нашел себе объяснение, и вполне логичное. Кстати, не уверена, что это не часть правды, как и то, что я рассказала ему про доктора Э'рера. Возможно, сила вверху, которая в нем вела себя странно, что-то активировала внутри меня. Я не знаю, как это еще назвать, потому что до той ночи я действительно не умела управлять морем.

Как бы там ни было, мне больше не надо ничего ему объяснять.

Ожоги — отличная тема для силы вверху, они ведь имеют дело с недрами земли. Вот пусть так и думает.

Правда, теперь это только часть проблемы. Теперь, когда я всерьез задумалась о мотивах Дженны относительно всего.

— Ты должна пойти к Э'реру, — жестко повторяет Лайтнер. — Если хочешь, пойдем вместе.

Я уже открываю рот, чтобы отказаться, и тут мне в голову приходит совершенно ненормальная идея. Не представляю, сработает она или нет. Э'рер вряд ли найдет в моей крови что-то подозрительное (если не нашел сразу), а вот убрать Лайтнера подальше от Дженны, возможно, получится.

— Хорошо, — говорю я. — Я пойду. Если ты уловишься из «Бабочки».

— Нет, — отрезает он.

— Нет?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я так хочу.

И в этом весь Лайтнер К'ярд. Проблема только в том, что будь дело исключительно во мне — и в моих хотелках, я бы хлопнула дверью, вышла и ушла. Потому что... потому что я так хочу!

Но проблема не только в этом.

Проблема в Дженне, и она куда серьезнее, чем он может себе представить.

— Помнишь, я говорила тебе о сестре? О том, что она пропала, и что она была ныряльщицей? — спрашиваю я.

Он приподнимает брови.

— Я пришла в «Бабочку» из-за нее. Я хотела ее найти, именно поэтому я работаю здесь. Я думаю, что именно здесь — так или иначе — она с кем-то работала.

— Ты думаешь, — холодно спрашивает он. — Или ты знаешь?

— Если бы я знала, я бы не сидела сейчас здесь с тобой, — отвечаю я. — А уже была бы мертва. Ну, или была бы с Лэйс, где бы она ни оказалась. Так что подумай, К'ярд, хочешь ты здесь работать, или лучше присмотреть место поспокойнее.

Вот теперь я действительно выхожу из эйрлата раньше, чем он успевает ответить. Или, точнее сказать, выпрыгиваю. Утренний Ландорхорн щедро поливает меня дождичком.

— Мэйс, — ударяет в спину. Он тоже вышел из эйрлата, и сейчас стоит, облокотившись о его крышу. — Нам все равно по пути.

— Совершенно точно нет, — говорю я, и, когда в его глазах сверкает насмешка, развожу руками. — Я еду к своему парню.

Вот теперь в его глазах сверкает что-то посерьезнее.

— И давно он стал твоим парнем?

— Недавно, — отвечаю ему в тон, а потом разворачиваюсь и бегу в ближайшее укрытие или, попросту говоря, к служебному входу «Бабочки», откуда только что вышла. Мне нужно заказать машину, которая отвезет меня домой, но домой мне совсем не хочется, и я делаю то, что вообще-то, делать не стоит. Заказываю эйрлат до дома Вартаса.

Где-то по дороге у меня начинают слипаться глаза. Я тщетно пытаюсь с этим бороться, но они делают все, чтобы меня одолеть — я их открываю, они закрываются, и так снова и снова, снова и снова, снова и снова. В какой-то момент я перестаю сопротивляться, соскальзываю в сон. Просыпаюсь от того, что водитель сообщает:

— На месте, нисса.

На месте.

Я пытаюсь понять, почему на месте — это у шестиэтажной серой коробки, чьи стены, кажется, насквозь пропитались сыростью от дождя, а потом вспоминаю. Прикладываю тапет к терминалу, чтобы расплатиться за поездку, забираю вещи и выхожу.

Это определенно глупо, но у меня просто нет сил ехать домой.

«Митри, я у Вартаса. Не забудь про шарф для Тай», — отправляю сообщение, а после касаюсь старенькой, затертой панели с трещинами по краям. Набираю нужный номер квартиры.

— Да, — раздается вполне себе бодрый голос Вартаса.

Я знаю, что он встает очень рано: во-первых, смена у него тоже начинается очень рано, а во-вторых, он начинает день с разминки и тренировок.

— Это я.

Пауза такая многозначительная, что, кажется, мне вообще не откроют, но в следующий миг замок щелкает. Я захожу в подъезд: внутри он тоже пропитан сыростью, здесь нет лифта, старенькая лестница настолько старенькая, что из некоторых ступеней выпали целые куски камня. Я смотрю на все это и думаю — как быстро привыкаешь к хорошему.

К красивому интерьеру.

К высокоскоростным лифтам.

К поездкам на заказных эйрлатах.

К полноценному завтраку, обеду и ужину.

Хотя в прошлом — отнюдь не столь отдаленном, у меня продуваемый всеми ветрами домик, до которого надо было добираться на платформе. Уже осенью на ней сдувало, не говоря уже о зиме, и это был тот самый случай, когда люди просто грелись друг о друга. Старики, женщины и дети, мужчины. Все. Мы ехали единой смерзшейся массой, и тем, кто выходил на конечной, приходилось хуже всего.

Мотаю головой, поднимаюсь на последний этаж и захожу — Вартас заранее открыл дверь и теперь стоит, прислонившись к стене.

— Вирна, все в порядке?

— В относительном, — говорю я. — Когда у меня в последний раз было все в порядке, я не умела ходить и ничего не понимала.

— Все в порядке, — комментирует он, помогая мне снять куртку. — Но я все равно не представляю, что должно было случиться, чтобы ты приехала ко мне.

— У тебя есть льяри?

— Не лучший способ, чтобы заснуть.

— Ты думаешь, я приехала к тебе спать?

— Еще несколько минут, и ты будешь спать там, где стоишь.

Не могу сказать, что он неправ, поэтому только сбрасываю сумку на тумбочку.

— Можно воспользоваться твоей ванной? За воду я заплачу.

— Я лично утоплю тебя под душем, если еще раз услышу что-то подобное.

Махнув рукой, иду в ванную, складываю одежду на старый, растрескавшийся пластиковый стул, как раз для этого предназначенный. Кафель в душе тоже слегка растрескавшийся от сырости, я задерживаю шторку и подставляю лицо еле теплым струям воды. Выставить погорячее мне совесть не позволяет, и, к тому же, под такой водой долго не прстоишь.

Открывается дверь, и я вздрагиваю.

— Я принес полотенце и халат, — говорит Вартас.

Дверь снова закрывается, и я остаюсь одна. Разворачиваю руку ладонью вверх, глядя на красное пятно ожога. Это совершенно ненормально, но его мне не хочется убирать, и еще более ненормально то, что его хочется коснуться губами.

Именно эти мысли шустро выносят меня из душа, я вытираюсь насухо, заворачиваюсь в халат и выхожу в коридор.

— Классно выглядишь, — сообщает Вартас, который хозяйничает на кухне.

В кроссовках и халате, с мокрыми волосами. Да. Я просто зашибись как выгляжу.

— Это тебе, — ко мне двигают тарелку с горячей едой. — И это тоже.

В круглой чашке без ручки какой-то травяной настой.

— Я на работу, вернусь во время обеда. Поговорим.

— Спасибо, — говорю я.

— Да, дверь автоматическая. Запасные ключи в тумбочке в спальне.

Он выходит из кухни раньше, чем я успеваю что-то сказать. В коридоре раздается какое-то шуршание, хлопает дверь и слышен писк блокировки замка. Только сейчас я понимаю, насколько сильно проголодалась. Глотаю еду, почти не чувствуя вкуса, выпиваю травяной настой.

Спальня у Вартаса совсем крохотная, кровать в ней, пожалуй, занимает две трети, и это — его кровать. Тем не менее я падаю на нее, поверх покрывала, в которое и заворачиваюсь, превращаясь в куколку. Закрываю глаза и мгновенно проваливаюсь в сон.

К тому моменту, как Вартас приезжает на обед, я уже проснулась, оделась и сижу на матах — в комнате, где мы обычно занимались вар-до.

— Как дела? — Он сбрасывает сумку на пол и присоединяется ко мне.

— Выяснила, что я могу лечить ожоги вьєрхов с помощью океана или моря. Точнее, я проверяла только море, но с помощью океана, наверное, тоже могу.

— Ух ты, — говорит он.

— Ух ты. Да.

— И только поэтому ты прибежала ко мне?

— Вообще-то нет.

Просто Лайтнер так часто называл тебя моим парнем, что я сама в это поверила. Может быть, и не зря. Может быть, пришло время оставить прошлое в прошлом и двигаться дальше.

Нам всем.

— Расскажи мне про Лэйс, — говорю я. — Не как обычно. Расскажи, какие вас связывали отношения.

— Ты уверена, что хочешь поговорить именно об этом?

— Ты же хочешь знать, почему я пришла?

— Хм, — Вартас вздыхает и скрещивает ноги. — Отношениями, как ты уже поняла, это было сложно назвать. Она приходила и уходила. Ничего о себе не рассказывала. Никого не напоминает?

— Сейчас мы не обо мне, — напоминаю я.

— Я... наверное, в какой-то момент я понял, что у нас ничего не получится.

— И в какой же момент ты это понял?

— Когда почувствовал, что она не до конца со мной откровенна. Те крупницы информации, которые на меня высыпались... это было не про отношения. Когда есть отношения, есть доверие.

— Она рассказала тебе о ныряльщиках.

— Но не рассказала, что собирается исчезнуть и бросить меня и вас.

— Вообще-то, рассказала, Тас.

— Как ты меня назвала?

— Я посмотрела, как можно сократить твоё имя.

— Ты интересовалась моим именем? — он приподнимает брови и кивает. — Круто.

— Так вот, про Лэйс. Она просила о нас позаботиться. Рассказала о том, что связана с ныряльщиками.

— Это по-твоему звучит как «Я завтра исчезну, но не переживай, со мной всё будет в порядке, и когда-нибудь я вернусь»?

Я вытягиваюсь на матах, подпираю ладонями подбородок.

— Возможно, это то, что она *могла* сказать.

— И снова нет, Вирна. Когда я доверяю, я говорю прямо. Я не скрываю ничего ни от кого, прикрываясь намерениями о всеобщем благе или безопасности.

— Возможно, ты и прав.

— Ты знаешь, что я прав. Твоя очередь.

Он ложится рядом со мной, правда, ногами в другую сторону, и на спину. Теперь я смотрю на него сверху и очень, очень близко.

— Ты же мне доверилась. Хотя знала меня гораздо меньше, чем Лэйс.

А Лайтнеру нет.

Я начинаю думать, что он действительно прав. Что все эти бабочки в животе, жар и холод — это химия и гормоны. Настоящие чувства появляются там, где ты раскрываешься рядом с другим, где ты не боишься сказать правду, где есть спокойствие и уверенность. С Лайтнером

все было как на вулкане — что, в общем-то, неудивительно, он же вьерх. С Вартасом ровно, и пусть даже отчасти неправильно — из-за Лэйс, она сама от него отказалась. От него и от их отношений.

— Я пришла к тебе, потому что не хотела ехать домой.

— Почему?

— Не знаю, — я пожимаю плечами.

— Или знаешь? — Он подается ко мне и целует меня в губы.

Это не так резко, как было «для конспирации», напротив, это совсем не резко. Я могу его целовать и не чувствовать, как плавлюсь, как от каждого прикосновения на моем теле вспыхивают костры ожогов и темнеет перед глазами. То, что я при этом чувствую — или чего не чувствую, это же не главное, правда? Это просто поцелуй. С парнем, которому я рассказала больше, чем кому бы то ни было.

Я отрываюсь от его губ, но не отстраняюсь. И спрашиваю:

— Хочешь пойти со мной к Кьяне и Хару?

Глава 12. Не Вирна

Лайтнер К'ярд

Я оказался прав.

Прав насчет того, что с «Бабочкой» и заботой Дженны о Мэйс не все чисто. Вот только Вирна не знает, что я в курсе всего этого, и считает, что наш разговор закончен. Зря! Я точно не собираюсь увольняться, особенно теперь.

Ныряльщики, значит. Клуб их прикрытие? Место встречи? Очень опасное место. Но когда я понял, что могу выйти на ныряльщиков, в голове будто что-то щелкнуло. Те установки, которые мне показал Эн: если кто-то и способен узнать о них больше, то именно эти ребята.

Опасные ребята, с которыми Мэйс заодно.

И это, пожалуй, волнует меня больше, чем мне бы хотелось.

— Лайт? Я честно боюсь лезть в бассейн, когда ты такой рассеянный.

Я возвращаюсь в реальность, к Лире. Сегодня наш первый урок плавания. Это другой клуб, другой мелкий бассейн, другая девушка, которая просто потрясающе выглядит в модельном купальнике и совершенно не стесняется своего практически обнаженного тела. Но мне все напоминает о Вирне.

Абсолютно все, и как с этим справиться, я не знаю.

— Прости. Я просто не выспался.

— Уверен, что хочешь работать ночами?

— Эта работа лучшее, что я смог найти за все время.

Эта работа идеальна. Не считая того, что я спал всего два часа, чтобы потом отправиться на тренировку. Называть свои модельные потуги по-другому я отказывался.

— Извини, это все из-за меня. Ты слишком много потратил на мое восстановление, но после съемок, я смогу тебе вернуть...

— Нет, Лира. Ты мне ничего не должна, и давай закроем эту тему. Иди сюда.

«Сюда» означало в воду, и Лира не торопилась, застыв перед порожком, под который текла вода, выплескивающаяся из бассейна.

— Я думала, что мы начнем с теории, — улыбнулась она. — На берегу.

— Тут как с модельной походкой, без практики не поймешь. К тому же, у нас всего пара дней перед съемками.

Это сработало.

— Ну ладно, — она расправила плечи и шагнула на первую ступеньку, забавно поморщилась. — Какая она противная.

— Противная?

— Да, вода. — Лира преодолела все шесть ступенек и остановилась рядом со мной. — В ней же невозможно двигаться! Она сковывает. Сдерживает.

Я едва сдерживаю смех.

— В воде все работает по-другому, поэтому и двигаться нужно не так, как ты привыкла. К этому нужно привыкнуть.

— Сомневаюсь, что я к этому привыкну.

— Даже ради роли?

— Только ради роли!

У Лире не было панического страха, как у Мэйс. Она не боялась воды и была полна решимости освоить плавание. И я начинал понимать, почему у Лире все срослось с работой моделью, несмотря на отсутствие поддержки родителей. Ее целеустремленности можно было только позавидовать.

Она быстро освоила обычные гребки, как нужно работать ногами, и к концу нашей тренировки даже проплыла до дальнего бортика и обратно. Но вот от ныряния отказалась наотрез.

— Я вьерха, дитя земли, — пошутила Лира, чтобы скрыть нервность. — Для меня это чересчур.

— Хорошо, — согласился я. — Думаю, для съемок это не понадобится. Но завтра ходим в большой бассейн и усложним задачу.

С ростом Мэйс глубины детского бассейна было достаточно, у Лире такой проблемы не было.

Почему я все время их сравниваю?

Но не сравнивать не получается. Я спас Лире точно так же, как спасал Вирну. А теперь учу ее плаванию, как учил Мэйс. Но когда мы с Лирой в бассейне случайно соприкасались телами, когда я обнимал ее, касался ее руки, это не обжигало. И совсем не в том смысле, в котором я получил ожог. Мэйс оставила на мне ожоги гораздо более сильные и глубокие.

— Лайт, что это?

Оказывается, я слишком долго рассматривал след на ладони, чтобы это осталось незамеченным.

— Обжегся.

— Как?

— Схватился за горячую сковороду.

— Сковороду?

Бред! У меня и сковороды никакой нет.

— На кухне. На работе.

— Это похоже на то, что было у меня, — глаза Лире расширяются и теперь она смотрит на меня с упреком: — Ты разговаривал с ней?

— Нет! То есть да. Она больше тебя не тронет.

— Лайт, ты не должен был.

Чего я не должен был, так это предлагать Мэйс ее подвезти.

— Я сделал это, чтобы она от тебя отстала.

Хотя после сегодняшней ночи и нашего разговора с Вирной непонятно, зачем она вообще приходила к Лире.

— Слушай, расскажи мне еще раз, что именно тебе сказала Вирна Мэйс.

— Если честно, я хочу забыть об этом эпизоде, — говорит Лира и устремляется к ступенькам бассейна. — Я вообще не хочу думать о девушках, для которых нормально бить других.

Она не смотрит мне в глаза, даже когда я подаю ей халат, закутывается в него, словно замерзла. Нервничает и злится. Но я бы на ее месте тоже нервничал и злился.

Наверное.

— Я тебя понимаю. Правда понимаю, но для меня это важно.

— Ладно, — она скидывает руки, словно собирается защищаться. — Она сказала, что я ей не помеха.

— И все?

Лира наконец-то смотрит мне в глаза и прищуривается:

— Должно быть что-то еще?

— Я вчера говорил с Вирной.

— И она сказала, что мы говорили о чем-то еще, — хмыкает девушка. — Я даже знать не хочу, что она могла обо мне придумать! Лайтнер, эта Вирна не очень приятный человек. Я бы сказала, самый неприятный человек из всех, что я встречала, и если бы не съемки и не мое нежелание раздувать из этого скандал, вместо больницы я бы поехала в участок политари.

Потому что люди не имеют права распускать руки! Но я не люблю конфликты, поэтому решила сделать вид, что ничего не было, и просто больше не открывать ей дверь.

— Она больше не придет к тебе.

— Это тоже она сказала? — вид у Лиры более чем скептический. — Может, не стоит верить всему, что она говорит?

Да, Мэйс известная лгунья. Даже я постоянно ловлю ее на лжи, но она все равно продолжает врать.

— Мы говорили не о тебе, а о ней.

Девушка мигом растрчивает боевой настрой и сейчас выглядит растерянной.

— Тогда я тем более ничего не понимаю.

— Вирна сказала одну фразу.

— Какую?

— Про то, что ты знаешь откуда у нее деньги.

Теперь у Лиры такой вид, будто ее внезапно столкнули в бассейн: она открывает рот и закрывает. Что доказывает, что, в отличие от Мэйс, врать Лира не умеет.

— Это ведь не мое дело? Учитывая, что она твоя бывшая.

— Она не моя бывшая.

— Тогда тебе должно быть наплевать на факт, что деньги у нее от богатого любовника!

Наверное, сейчас именно я выгляжу так, будто меня спихнули в воду. Даже не в бассейн, а, как минимум, в океан. Со скалы. И я долго-долго летел, пока с размаху не ударился о поверхность, провалился в толщу, а сверху меня еще и волной накрыло.

— Любовника?!

Какой, к едхам, любовник? Единственный известный мне претендент на тело и сердце Мэйс — придурок Вартас! Или нет?

— Она так сказала, — будто издали доносятся до меня слова Лиры. — И я ей поверила, потому что вряд ли обычный человек может позволить себе снимать квартиру в нашем доме.

Обычный нет, но тот, кто получил круглую сумму от Дигтхарда К'ярда — да.

И опять ни едха в ее словах не сходится!

Если Мэйс получила «гонорар» от отца, то зачем это скрывает? Зачем сказала сестрам, что деньги от Дженны? Зачем придумала какого-то любовника?

Или не придумала?

Мысль о том, что где-то существует еще один в'ерх, который завладел ее телом и сердцем, отравляет с силой концентрированной кислоты. Конечно же, это в'ерх, потому что у Вартаса таких денег и в помине нет.

Или есть?

Что, если этот белобрысый едх — ныральныйщик, как сестра Вирны?

Это многое объясняет. Очень многое. Потому что догадка про в'ерха-любовника — не вариант. Иначе бы они оба ходили в ожогах.

Значит, это Вартас.

Хотя в любом случае стоит проверить, но не через Мэйс. Она врет как дышит, поэтому вряд ли я услышу от нее правду. Но есть те, кому она доверяет, и вот они от разговора не отвернутся. Особенно если хотят помочь Вирне!

— Спасибо, что рассказала.

— Не за что. Возможно, я вмешиваюсь не в свое дело, но думаю, тебе не стоит связываться с этой Вирной. Такие как она опасны.

— Я разберусь с этим сам, — отвечаю резче, чем хотел.

Лира поджигает губы.

— Ты потом домой? — интересуется она, когда мы доходим до развилки коридоров, ведущих в раздевалки.

— Нет. Хочу успеть заскочить к другу перед новой сменой.

— Увидимся завтра?

— Да, конечно. В то же время.

Сначала хочу набрать Хара, на случай если у них с Кьяной запланирован романтический вечер, но потом решаю, что так даже лучше — не придется искать М'эль и уговаривать ее поговорить со мной о Мэйс.

Буду внезапным.

Я хорошо знаю расписание Хара в Кэйпдоре, потому что мы выбирали практически одни и те же факультативы. Завтра с утра у нас тренировка у Адмирала, так что вряд ли он будет разгуливать где-то допоздна, скорее, постарается выспаться, чтобы прийти первым. Поэтому я еду к другу прямо после бассейна.

Но оказываюсь перед запертой дверью, и на звонок никто не отвечает.

Хар наверняка у Кьяны, но я ни разу не спрашивал, где ее квартира, а единственный способ это выяснить — пройти по этажам и постучаться во все двери.

Едх! Это уже плохая традиция! К сожалению, у Хара нет младшей сестры, которая может впустить меня в квартиру.

Вот я стою перед дверью как... как Вартас! И решаю, что делать дальше. Вариантов немного: дожждаться, пока друг пожелает спокойной ночи своей девушке и вернется домой, уйти, набрать его и перестать играть во внезапность. Пока раздумываю, вдруг слышу голос Кьяны, доносящийся со стороны лифтов.

— Можно порезать аргору на маленькие кусочки, тогда нашим гостям будет удобно ее есть. И льда нужно заморозить побольше, чтобы хватило для коктейлей.

Квартира Хара в тупике, за углом, поэтому друзья не сразу замечают меня, а когда замечают, то замирают, будто морского едха увидели, но точно не Лайтнера К'ярда. Лица у них делаются какие-то виноватые. С чего бы это?

— Гостям? — переспрашиваю я.

Только теперь замечая, что Хар держит два больших пакета с логотипом продуктовых супермаркетов, а в руках Кьяны круглый и, судя по ярко-розовому цвету, спелый, крупный фрукт аргоры. Безумно дорогой и настолько же безумно вкусный. Его еще называют праздничным или фруктом особых случаев.

— Привет, Лайт, — кивает мне Хар. — Что ты здесь делаешь?

— Мне нужна серьезная причина, чтобы увидеться со своими друзьями?

Они с Кьяной переглядываются.

— Нет, конечно. Просто ты не предупредил, вот я и подумал: что-то случилось.

— Все в порядке. Я бы даже сказал, замечательно.

— Здорово.

Я протягиваю руку:

— Давай помогу с пакетами.

Друг передает один из них мне. Кьяна выразительно смотрит на Хара, проводит ладонью по электронной панели доступа в квартиру и распахивает дверь.

Мы проходим в квартиру. У друга нет кухни, есть только барная стойка, которая отделяет разделочный стол и плиту от гостиной. На стойку я и ставлю пакет.

— Ты по-прежнему на меня злишься? — интересуюсь я у девушки, которая осторожно запикивает аргору в холодильник.

— Нет, Лайтнер, — качает головой Кьяна. — Это в прошлом.

Пока Хар раскладывает другие продукты, она открывает кран и наливает себе стакан воды. Продуктов оказывается много, и в основном это различные закуски или то, из чего их можно быстро приготовить.

— Коктейли. Закуски. Аргора, — перечисляю я. — К тебе придут в гости родители Кьяны?

Девушка давится водой и начинает кашлять.

— Нет, это не для родителей, — говорит она, придя в себя, — а для вечеринки.

— Для вечеринки? И часто вы устраиваете вечеринки?

— Это первая, — добавляет Хар.

Даже если сто первая, какая разница? Меня все равно на нее не позвали!

Интересно, почему?

— Я так понимаю, вечеринка не через неделю. Аргора сгниет раньше. Но вашего приглашения я не получил. Может, в спам попало.

Мне кажется, что если они еще дольше будут переглядываться, я просто уйду, и пошло оно все к Вартасу!

— Потому что мы тебе не пригласили, Лайтнер, — объясняет Кьяна.

— Можно узнать, почему? Да, у меня сейчас не лучшие времена, я много работаю, но время для вас точно нашел бы.

Это еще не злость, но уже раздражение. Меня и так выкинуло из привычного мира: теперь я не такой беззаботный, как раньше. Я потерял связь с матерью и братом. Но с друзьями?! От Хара я такого не ожидал. Да и от Кьяны тоже.

— Мы не хотели приглашать тебя из-за Вирны, — говорит Хар.

Я хмурюсь:

— Что не так с Мэйс?

— Мы пригласили ее на вечеринку, и подумали, что тебе будет больно снова столкнуться с ней.

— Значит, Вирну вы пригласили, а меня нет? Из-за заботы о моих сердечных ранах? Ребят, я теперь вижу ее каждую ночь, потому что работаю в «Бабочке».

От вида их ошарашенных лиц становится смешно.

— А как же подготовка к съемке? — Кьяна приходит в себя первой.

— Подготовка днем, работа в клубе — ночью. Но вы неправы насчет меня и Мэйс. Что было, то прошло. Я с этим справился.

Они снова переглядываются, и у меня создается впечатление, что эта парочка общается друг с другом мысленно. Что все влюбленные парочки так общаются. Половинки, чтоб их! У нас с Мэйс так не было, наверное, поэтому ничего и не получилось.

— Ладно, — говорю. — Вижу, я здесь лишний.

Делаю шаг, чтобы уйти, но Хар меня останавливает:

— Лайт, завтра в восемь. Надеюсь, не придется уговаривать тебя прийти?

Другое дело!

— Не нужно.

Я хлопаю Хара по плечу, и друг делает то же самое. А вот Кьяна настроена не так оптимистично:

— Лайтнер, ты уверен? Вирна придет не одна, с парнем.

С трудом, но мне удастся удержать лицо. Потому что Мэйс придет с парнем.

У нее есть парень.

И кажется, я даже знаю, кто он.

— Как его зовут?

— Вартас.

Конечно! Тот самый богатый любовник, который оплачивает все ее счета. А что получает взамен? Явно не просто «спасибо»!

— Тогда я тоже приглашу девушку, — говорю я.

— У тебя есть девушка?

— Ее зовут Лира, мы вместе снимаемся в рекламе. Мы пока не встречаемся, но все к этому идет.

— Я рада, что ты движешься вперед.

— Мэйс, видимо, тоже. Так что, я могу взять Лиру с собой?

— Конечно, — кивает Хар. — Тогда до завтра.

— До завтра.

— Пока, — машет рукой Кыяна.

А я поспешно выхожу из квартиры, чтобы друзья ничего не заметили по моему взгляду. Потому что магма ярости кипит внутри, грозясь выплеснуться на поверхность. Уже в лифте ударяю кулаком по стене.

Не сильно, но даже так остается вмятина.

Едх!

В отражении замечаю, как горят мои глаза. Огнем силы вьерха.

Надо успокоиться.

Тем более что меня пригласили на вечеринку, и мы с Мэйс теперь будем на равных. Она больше не причинит мне боли. И не отберет у меня друзей.

Ну что Вирна? Встретимся без камер «Бабочки»?

Узнаем, что ты скрываешь еще.

Глава 13. Дружеская вечеринка

Вирна Мэйс

Это была самая идиотская в мире идея — идти к Кьяне и Хару с Вартасом, хотя если убрать Вартаса... в смысле, оставить просто «идти к Кьяне и Хару» — это и была моя самая идиотская в мире идея. Тем не менее она имеет право на жизнь, исключительно потому, что если я хочу эту самую жизнь, то есть новую жизнь, в которой больше никаких К'ярдов, а точнее, в которой его имя — это просто имя, сейчас самое время начать. Потом будет поздно. Я почему-то уверена, что потом будет поздно, пусть даже у этого «почему-то» есть вполне определенные черты. Сегодня ночью в клубе мы друг другу ни слова не сказали, почти не виделись, но мне хватило одного его взгляда, скользнувшего по мне равнодушием, чтобы понять, что новую жизнь надо начинать сейчас.

Не откладывая.

Ну я и начала. Когда в обед Кьяна позвонила мне, чтобы сказать, что сегодня К'ярд с Лирой тоже будут, я сказала:

— Отлично.

— Отлично? — подозрительно переспросила Кьяна. — Ты уверена?

Что-то в ее голосе мне подсказывало, что она не верила в то, что все будет отлично.

— Точно, — подтвердила я. — Прошное осталось в прошлом, все в порядке. Я через это перешагнула и иду дальше.

— Да... ну, хорошо, — спустя долгую паузу произнесла Кьяна. — Тогда я побежала на занятия, у нас как раз перемена заканчивается.

Она не отключалась, видимо, ждала чего-то еще, но я просто пожелала ей интересных лекций и попрощалась:

— До встречи вечером.

После чего взяла свою пятую точку в руки и поехала в галерею бутиков. Благо, их на Четвертом было море. В прямом и переносном смысле — квартал назывался «Морской стиль», и здесь были собраны десятки магазинов именитых дизайнеров, которые предлагали преобразиться в мгновение ока.

Спустя двадцать одну примерку (я точно запомнила их число, хотя половина платьев стерлась у меня из памяти, как нечто несущественное) я уже еле держалась на ногах.

— Это платье вам очень идет, — улыбнулась девушка-консультант. — Плюс у него очень выигрышный оттенок, темно-синий. Не черный, в черном было мрачновато, а вот темно-синий к цвету ваших волос просто потрясающе. И эти туфли.

Туфли, определенно, были шедевром: серебро с отливами темно-синего, напоминающее ночное море — когда пена под холодным светом луны смешивается с почти черной водой, с открытыми носами и ремешками, оплетающими ногу, как металлические водоросли. Их так называли за их цвет — холодный, напоминающий декоративный отлив произведения искусства, которое должно было украсить гостиную какого-нибудь вьерха, но случайно оказалось в воде.

— Хорошо. Я возьму их.

— Вам еще понадобится клатч, — мигом оживилась помощница консультанта. — И украшения.

Я прикинула стоимость и подумала, что это слишком круто даже для временной карточки Дженны.

— Клатч у меня уже есть, — сказала я, хотя помимо нового рюкзака ничего нового у меня не было. — И украшения.

Консультант слегка приуныла, но настаивать не стала. В итоге я с пакетами и хорошенько поредевшим счетом вышла на улицу с мыслями: «Что это было», — чтобы спустя пару минут наткнуться взглядом на вывеску «Ваш образ с Куирой Д'альто».

— Ты не сказала мне, что нужно надеть фрак.

Это было первым после минуты молчания, что выдал Вартас, когда я открыла ему дверь.

— У тебя есть фрак? — спросила я.

— Нет, но похоже, он мне нужен. Чтобы тебя сопровождать. — Вартас все-таки прошел в квартиру, а из кухни выглянула Митри:

— И Вальгсховен не забудь.

— Точно.

Вальгсховен — производитель эйрлатов на заказ, их во всем мире насчитывалась едва ли сотня. Стоила каждая машинка примерно как весь квартал, где я ходила по магазинам, если не больше. В своей другой жизни я бы вряд ли узнала, что это такое, но сейчас, на Четвертом, где элитной рекламы было больше, чем тех, кто мог все это купить, я несколько расширила свой кругозор.

— Я пойду переоденусь, — сказала я, чувствуя себя крайне глупо.

— Стой! — Вартас перехватил меня за руку.

Сестра хихикнула и снова скрылась на кухне, а я покачала головой:

— Это правда глупо. У нас дружеская встреча, а не визит к Дигтхарду К'ярду.

— Ничего глупого в том, чтобы быть красивой, я не вижу. — Вартас развернул меня к зеркальной стене в полный рост и сам встал за моей спиной.

Даже сейчас, на такой шпильке, я была ниже, но смотрелись мы и правда красиво. Несмотря на то, что он пришел в джинсах, рубашке и куртке, видно было, что он тоже собирался. Во-первых, непривычно зачесанные волосы, во-вторых, сама рубашка тоже была очень стильная и явно не из дешевых. Ну и ботинки. Не кроссовки, а именно ботинки.

Что касается меня, после укладки в салоне Куиры Д'Альто и макияжа, я... несколько преобразилась. Стилист предложил сделать акцент на моих глазах, но в процессе решение поменял («Глаза у вас и так большие, давайте лучше подчеркнем ваши губы»). Платье облегло фигуру, чуть приподнимая грудь, ткань переливалась при каждом движении, как вода под лунным светом.

Я не привыкла видеть себя такой, но это правда было красиво.

Равно как и чуть поднятые вверх волосы, волнами стекающие на спину.

— Пойдем?

Он оглянулся.

— Где твое пальто?

— Пальто нет. Есть куртка.

Вартас покачал головой.

— Куртка... и в этом вся Вирна Мэйс.

Он накинул куртку мне на плечи, и я обернулась.

— Митри! Не забудь вовремя уложить Тай.

— Иди уже, — донеслось с кухни.

Мы вместе вышли на улицу, быстренько добежали до эйрлата, и Вартас сразу же включил обогрев.

— Не замерзла? — спросил, вглядываясь в мое лицо.

— Не успела.

— Хорошо. Это тебе, — перегнувшись через спинку сиденья, он протянул мне букет.

Букет.

Цветов!

Бутоны цвета моих волос едва распустились, на тонких лепестках поблескивали капельки.

— Я...

— Мне показалось, этот цвет твой, — произнес Вартас, касаясь ключом разблокировки управления, — надеюсь, хозяйка вечера любит белый.

Я оглянулась: на заднем сиденье лежал еще один букет, чуть поменьше, после чего у меня кончились слова. Вообще-то предполагалось, что я буду веселой и весь вечер буду активно общаться, потому что у меня новая жизнь и все такое, но сейчас, временно, слова кончились. Начались они ближе к повороту, за которым уже был виден дом Кьяны и Хара.

— Ты удивительный, — сказала я.

— Да, удивлять я умею, — Вартас улыбнулся. — Но не так, как ты. А знаешь, что самое будоражащее? Что ты оделась так для меня.

В этот момент я поняла две очень важные вещи: первое — что когда примеряла платье, ни разу не задумалась, что об этом скажет он. И второе — когда я приглашала его вчера, он меня спрашивал, будет ли на вечеринке К'ярд, и я сказала, что нет. А после звонка Кьяны просто забыла ему об этом написать.

Справедливости ради, о К'ярде я тоже не думала, когда выбирала платье. Я просто хотела быть красивой: у меня ни разу в жизни не было такого шанса — быть настолько красивой, выбирать такие вещи. Возможно, именно поэтому на эти пять с половиной часов в магазинах я просто забыла обо всем. Забыла о том, в каком мире живу, о том, чьи это деньги, и о том, что вообще происходит вокруг.

Я просто была.

И может, в магазин я ехала, чтобы быть круче Лиры, но потом...

Потом мне просто понравилось. Быть легкой и беззаботной, вертеться на подиумах, выбирать себе платье и туфли, и не думать ни о чем, кроме предстоящей дружеской вечеринки.

— Вирна? — Вартас как раз заводил эйрлат на парковку рядом домом.

Приложил карточку к терминалу оплаты и направил машину в сторону свободного места, к которому нас вели указатели. Мягко посадил.

— Я забыла тебе кое о чем сказать. Кьяна позвонила мне сегодня в обед. Сказала, что К'ярд тоже будет.

Улыбка сбежала с лица Вартаса.

— Это платье появилось до или после того, как ты об этом узнала?

Я посмотрела на лежащий на коленях букет.

— После.

— Понятно.

— Это не ради него.

— Ну разумеется нет.

Я заставила себя оторваться от букета и посмотреть на него, только теперь на меня не смотрел он.

— Вартас, слушай... послушай меня, пожалуйста.

Хорошо хоть сейчас посмотрел.

— Я действительно хочу начать все сначала. С тобой. Сейчас никто не знает обо мне столько, сколько ты. Про мою силу... про Дженну. Про Лэйс. Никто не знает, что сейчас происходит в моей жизни. Только ты. Может, нас с К'ярдом что-то и связывало раньше, но сейчас — нет. Мы просто работаем вместе.

— Вы просто — что?

Вартас спрашивает это ну слишком выразительно.

— Поэтому ты приехала ко мне тем утром, да?!

— Я приехала к тебе! — Я не выдерживаю и голос срывается на крик.

— Знаешь что, Мэйс? — Он дотягивается до второго букета, упаковка хрустит под пальцами так, что мне кажется, он сейчас просто сломает им стебли. Эта короткая пауза дает мне преимущество.

— Нет, — говорю я. — Не знаю. А вот ты знаешь многое. К'ярд — нет. Я ничего ему не рассказывала — ни о том, что со мной происходит, ни о том, что скоро у меня интервью. Ни о том, как мне страшно.

Вартас выходит из эйрлата, оглушительно хлопая дверью. Кажется, сейчас уже он может оставить вмятину на этой машине. Я вдавливаю палец в панель, не дожидаясь его появления, поднимаюсь и выхожу прямо ему навстречу.

— Может, его ты и можешь обмануть, Мэйс, — говорит он прежде, чем я успеваю открыть рот. — Может, ты даже можешь обмануть себя. Но меня вряд ли. Я слишком долго был идиотом рядом с твоей сестрой.

Он сует мне в руки второй букет.

— Передай Кьяне.

Разворачивается и уходит. То, что урчит двигатель эйрлата, до меня доходит не сразу, возможно, именно в тот момент, когда машина отрывается от земли и медленно плывет по парковке в сторону улицы. А я стою одна с двумя букетами и смотрю, как мигают стоп-фары перед тем, как эйрлат резко вылетает на улицу и вливается в поток движения. Заодно понимаю, что у меня с собой ни тапета, ни карточек, ни документов.

Ну, к такому мне не привыкать, не так ли?

Я разворачиваюсь и иду через парковку (с двумя букетами, да). Иду, и во мне просыпается такая ярость, какой не было уже давно.

Да пошел он... со своими обидками. К еду.

Я приехала сюда к Кьяне и Хару, и плевать мне, у кого там какие комплексы, и кто с кем придет. Набираю номер квартиры на панели, чуть отступаю в сторону.

— Вирна! — слышу голос Кьяны в динамике. — Поднимайтесь скорее.

Угу. Уже поднимаемся.

В лифте подумываю, не сунуть ли свой букет в урну в холле, но мне становится жалко цветы. Цветы-то тут ни при чем.

Поэтому когда мне открывают дверь, я по-прежнему стою с двумя букетами.

Кьяна и Хар на мгновение замирают, и, кажется, лишаются дара речи.

— Вартас не смог прийти, у него что-то срочное в мастерской, — говорю я, — но он меня подвез и попросил передать это тебе.

— О... — Кьяна берет букет, потом широко улыбается. — Вирна! Проходи, пожалуйста.

Она меня обнимает (вместе с букетами, с моим и своим), и хруст упаковки второй раз заставляет меня сомневаться в сохранности цветов.

— Ты просто сногшибательно выглядишь, — произносит она, когда отстраняется.

— Подтверждаю, — говорит Хар, тоже легко обнимает меня, а потом помогает снять куртку.

Я хочу поблагодарить, но не успеваю, потому что в холле появляется К'ярд, на котором висит Лира. Висит буквально, мне даже хочется поинтересоваться, не заработает ли он таким образом сколиоз, но я напоминаю себе, что я пришла к Кьяне и Хару, и что до К'ярда с Лирой мне нет никакого дела. Что бы там себе не напридумывал Вартас, для меня все это в прошлом.

Ну или не очень в прошлом: сейчас мне хочется одеться в привычный растянутый свитер, джинсы, а сверху еще завернуться в плед. Потому что под взглядом К'ярда я чуть ли не начинаю дымиться.

— Привет, — говорю я, снова напоминая себе, что я пришла развлекаться и отдыхать.

А это значит, никто и ничто мне не испортит этот вечер.

К'ярд почему-то молчит, а Лира цепляется за него еще сильнее (хотя куда уж сильнее) и выдает:

— Ну привет. Надеюсь, сегодня ты не будешь драться?

Раньше я бы ей много чего сказала, но сейчас просто ответила:

— Не буду, — и закрыла для себя эту тему.

Зато Кьяна посмотрела на Лиру так, как будто не против сама была ей врезать. И, хотя я не могла представить дерущуюся Кьяну, как ни старалась, на сердце сразу стало теплее.

— Я лучше поставлю цветы в воду, — сказала Кьяна. — Вирна, проходи пожалуйста. Хар.

Голос у нее был очень ровный и спокойный, но под ним точно что-то скрывалось. Это «что-то» я могла бы принять за ревность к К'ярду (если бы не видела, как она смотрит на Хара).

— Да, пойдемте в гостиную, — произнес Хар и легко коснулся моего локтя.

К счастью, у платья были длинные рукава, но надо себе напомнить быть осторожнее. Если я еще смогу сбежать к морю, куда бежать Кьяне и Хару? В жерло вулкана?

Я прошла мимо висячей Лиры и К'ярда, не глядя в их сторону. Скажем так, для новой жизни этот момент был не очень, но уже что-то. Если я хочу видаться с Кьяной и Харом, мне надо привыкать к этой парочке, а заодно и к тому, что она постоянно будет на нем висеть. У некоторых девушек призвание такое — висеть на парнях.

Так, все.

В гостиной играла музыка, и я остановилась, не представляя, куда себя деть. К счастью, здесь был Хар.

— Устраивайся, — он подтолкнул меня к креслу, и я вспомнила это кресло.

Я вспомнила, как сидела в нем после того, как мы привезли сюда Лайтнера. Когда он потерял сознание на парковке. Хар положил его на тот самый диван, на котором он сейчас устроился с Лирой, а я тогда сидела рядом и еще могла его нормально касаться.

По-моему, мне надо выпить.

Эта мысль пришла как-то очень спонтанно, как раз в тот момент, когда из кухни донесся голос Кьяны:

— Хар! Помоги мне, пожалуйста.

Хидрец.

Я не хотела тут оставаться одна. То есть одна с ними, но похоже, придется.

— Я помогу, — это вырвалось раньше, чем я успела себя остановить.

Плывать я хочу на то, что это похоже на бегство, но всяко лучше, чем смотреть на их обнимашки.

— Вирна, все хорошо? — еле слышно спросила Кьяна, когда мы оказались втроем на кухне.

— Да. Я просто рассчитывала провести этот вечер в вашей компании и со своим парнем, и немного расстроилась, что он занят.

— Дело только в этом? Я имею в виду... — она кивнула в сторону гостиной и поставила тарелку с нарезками на эйрстолик.

— Только в этом.

— Хорошо. Потому что если она еще будет выступать, я ее придушу.

— Кьяна с Лирой не очень подружились, — это Хар шепнул мне на ухо, выставляя бутылки с алкоголем на нижнюю полку эйрстолика.

Да, это я поняла сразу. Чтобы Кьяна на кого-то так наезжала, Кьяна, которая вообще кладезь рассудительности и спокойствия... да еще и при том, что этот... эта кто-то сидит в ее гостиной.

— Я все слышу, — она махнула в нашу сторону полотенцем.

— Что мне сделать? — спросила я.

— В общем-то, мы уже все сделали. Осталось только все красиво поставить и перевезти в гостиную.

— Да, изначально мы хотели собраться на кухне, но потом передумали. Здесь тесновато, вид на дверь...

— С намеком для некоторых, — фыркнула Кьяна, но потом снова стала серьезной. — Простите. Сама не знаю, что на меня нашло.

Я не выдержала и улыбнулась.

Мы вместе составляли тарелки, бокалы, шутили и смеялись, резали аргору (единственное, что не порезала Кьяна, чтобы сок не стек), и мне стало удивительно тепло и хорошо. Я даже снова поверила в то, что смогу начать новую жизнь и не обращать внимания на всех К'яр-долиров, правда, верила я в это аккуратно до того момента, пока снова не оказалась в гостиной.

Потому что они совершенно точно без нас не скучали, и весьма увлеченно целовались на *том самом диване*.

Едхов диван.

— Кхм, — кашлянула Кьяна. — Мы вам не мешаем?

— Нет.

Разумеется, это озвучил К'ярд, а мне захотелось повторить трюк с подносом из «Бабочки». К счастью, у меня сегодня выходной, мы не в ложе, и эйрстолик не так-то легко перевернуть.

Я растянула губы в улыбке и устроилась в кресле, закинув ногу на ногу.

— Где твой очаровательный цветочкодаритель? — поинтересовался К'ярд, глядя на меня.

— На работе, — сообщила я. — И да, некоторые умеют ухаживать.

— Это вы о чем? — Лира потеснее прижалась к нему.

— О цветах. Он, — я ткнула в К'ярда трубочкой для коктейлей, которую вытащила из пакетика, — их не дарит.

— Может, просто кто-то их не заслуживает, — поинтересовался К'ярд, глядя мне в глаза.

— Не знала, что цветы можно заслужить. Сообщишь, как?

— Так же, как и...

— Лично я хочу есть! — выразительно произнес Хар. Настолько выразительно, что перекрыл музыку, которая звучала достаточно громко. — И если вы намерены выяснять что-то там про цветы, предлагаю это временно отложить.

— Да нет, мы все выяснили. Мэйс прекрасно меня поняла. — К'ярд притянул Лире к себе и поцеловал в губы.

Кьяна глубоко вздохнула и устроилась в соседнем кресле.

— Сегодня бармен я, — сообщил Хар, отвинчивая пробку у какой-то бутылки. — Поэтому всем, кто продолжит выпендриваться, подмешаю слабительное.

— Мне не подмешаешь, — сообщил К'ярд. — Мне на работу, поэтому я буду пить только воду.

Чтоб ты подавился.

Никогда не умела быть доброй, а сейчас, глядя как Лира положила ладонь ему на бедро, а он ей — на пятую точку, мысленно вдогонку пожелала еще и несварения. Им двоим.

— Вирна, тебе какой коктейль? — спросил Хар.

— Я не разбираюсь, поэтому любой на твой вкус.

— Начни с «Оранжевого заката», — улыбнулась Кьяна. — Он в меру сладкий и не очень крепкий.

А можно мне что покрепче?

Вслух я, разумеется, ничего такого не сказала, просто кивнула.

«Оранжевый закат» действительно оказался очень вкусным, и я выпила половину раньше, чем успела это понять. Не только я, кстати: Хар тоже ополовинил свой, и неудивительно. Наша «дружеская вечеринка» слегка провисала в моментах общения. Достаточно сложно общаться с теми, кто все время целуется, а еще с теми, кто совершенно не представляет, что со всем этим делать.

Хар и Кьяна явно не представляли, и я им точно не завидовала.

— Когда вернешься в Кэйпдор? — поинтересовался Хар. — Адмирал тебе сегодня поставил прогул. Ты в курсе, что это значит?

— Разберемся, — отмахнулся К'ярд. — Я сюда вообще не об учебе пришел говорить.

Да, ты сюда пришел целоваться.

— Вирна, как дела у сестер? — это была следующая попытка, на сей раз уже от Кьяны.

— Вообще отлично.

В этот момент Лира сунула К'ярду в рот кусочек аргоры и примкнула губами к его губам, а я чуть не выплюнула коктейль обратно в бокал. К счастью, не выплюнула и залпом допила остатки.

Кьяна посмотрела на Хара с самым несчастным видом.

— Не скучаешь по Кэйпдору? — спросил он меня.

Не скучаю ли я? Разумеется, я скучаю. Даже по своей идиотской казенной форме, которую выдавали под отчет. По своему желанию стать лиабиологом. И по тому, как мы вместе с Кьяной готовили курсовую по лиархам и вьерхам. По легендам, которые оказались вовсе не легендами, но я ничего этого не могу сказать, потому что я вроде как ушла сама.

— Немного.

— Я тоже, — искренне произнесла Кьяна. — Даже, пожалуй, много. Помнишь, как мы вместе копались в архивах?

Такое забудешь. После этих архивов меня забирал Лайтнер, и мы вместе сидели в кафе.

Я обещала себе не думать об этом, но не думать оказалось сложнее. Потому что Лайтнер сидел прямо передо мной, и потому что Лира от него просто не отлипала.

— Да, это было круто.

Хар посмотрел на пустые бокалы:

— Кому еще какой коктейль?

— Мне «Полночное солнце», — отозвалась Лира.

— Мне ничего, — Кьяна подняла руки вверх.

— Мне то, что было у Кьяны в прошлый раз.

То, что было у Кьяны в прошлый раз, оказалось не менее вкусным, чем «Оранжевый закат». Разве что не таким цветным.

— Пятьдесят лет выдержки, — с гордостью сообщил Хар, демонстрируя бутылку.

— Ого! Дай посмотреть! — Лира потянулась за бутылкой и чуть не легла на К'ярда. Я втянула в себя коктейль и поняла, что после каждого такого «втянула» видеть это становится все проще. А еще становится совершенно без разницы, что он касается губами ее губ или отводит волосы с ее лица.

— А Лайтнер вчера и сегодня учил меня плавать. — Лира приподняла брови, играя трубочкой в коктейле. — Я так боялась воды... а теперь вообще не боюсь.

— Очень интересно, — произнесла Кьяна тем тоном, после которого обычно зевают.

— Да, он уже говорил вам про съемки? Подозреваю, что нет, — кажется, Лиру совершенно это не смутило. Кажется, ее вообще ничего не смущало, потому что она согнула ногу в колене и закинула ее на бедро Лайтнеру. — Потому что это секретная информация, но самым близким друзьям можно, правда, Лайт?

— Если бы здесь были только друзья, то можно.

Лира посмотрела на меня. Потом на него.

— О. Прости.

— Вирна, хочешь потанцевать? — Хар протянул мне руку.

И я почти коснулась ее. Почти.

Но вспомнила, что бывает, когда это случается.

— Нет. Я лучше посижу. Сделаешь мне еще коктейль?

— Да, разумеется.

«Еще коктейль» пошел хорошо и быстро. Особенно под танцы, которыми Хар и Кьяна попытались разрядить обстановку. Точнее, как только они пошли танцевать, Лира тут же поднялась следом.

— Лайт? Пойдем потанцуем?

— Лайт, — я высунула язык, когда они ушли в центр комнаты, и он положил руки ей на талию, а она — ему на плечи. — Пойдем потанцуем!

Поскольку бокал снова оказался пуст, я дотянулась до столика и плеснула туда прямо из бутылки с пятнадцатилетней выдержкой. Или сколькихлетней она там была?

Не представляю. Но обжигающей — это точно! От первого же глотка в горле вспыхнул огонь, а потом этот огонь растекся по желудку и сердцу, заплясал перед глазами искорками. Вместе с искорками перед глазами заплясала и комната, я даже подумала, не пойти ли потанцевать вместе с остальными.

Медленная музыка как раз закончилась, и я поднялась. На каблуках меня здорово пошатнуло, но я удержалась. И шагнула в центр комнаты как раз в тот момент, когда Кьяна и Хар развернулись ко мне, видимо, собираясь вернуться в кресла.

А вот едхушки!

Они танцевали? Танцевали! И я буду!

— Вирна. Эй. Вирна! Вирна, пойдем со мной. — Кьяна перехватывает меня и быстро уводит на кухню.

Настолько быстро, что я не успеваю ничего сообразить, но мне сейчас в принципе плохо соображается. Падаю на барный стул, с которого видна та самая дверь — с намеком для некоторых, да. В данном случае некоторая — это я. Чем я вообще думала, когда сюда шла?

Сейчас эта мысль вызывает только смех.

Я хихикаю, но под взглядом Кьяны мгновенно становлюсь серьезной. Или, точнее, пытаюсь ей стать.

— Слушай, — говорит она, понизив голос, — я знала, что это плохая идея.

Ого! Значит, мы обе это знали.

— Лайтнер пришел вчера очень неожиданно, мы тащили сумки с продуктами, и мы просто не могли его не пригласить, понимаешь? У него сейчас не самые легкие времена. Он серьезно поссорился с отцом, и... ты сама слышала, он не посещает даже занятия Адмирала, а это просто...

Я пытаюсь ухватиться за какую-то очень, очень важную мысль. А, вот она.

— Говоришь, он поссорился с отцом?

— А почему, как ты думаешь, ему понадобились квартира и работа? — Кьяна вздыхает, обхватывает себя руками. — Ладно, это совершенно точно не тема для разговора, я просто хотела, чтобы ты поняла, что все это... я не знаю, как это разругать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.